

Вадим Сухачевский

ЭКС-ДОЦЕНТ

Хроники Тайного Суда. Книга 1 (1938-1939)

18+

Вадим Сухачевский

Экс-доцент

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сухачевский В. В.

Экс-доцент / В. В. Сухачевский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В романе рассказывается о деятельности Тайного Суда - некоего сообщества, помогающего свершиться Справедливости. Действие происходит в СССР в конце 30-х гг. На фоне реальных лиц - Сталина, Ежова, Берии, - действуют также вымышленные герои. Книга представляет собой триллер с элементами фэнтези.

© Сухачевский В. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Книжна 1	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Книжна 1 ЭКС-ДОЦЕНТ

(1938 – 1939)

Глава 1

(позволяющая увидеть лишь поверхностную сторону некоторых весьма загадочных событий)

Если бы кто-нибудь из знакомых майора государственной безопасности Степана Акимовича Чужака в то весеннее утро 1938 года увидел его в лубянской кабинете, когда он положил телефонную трубку, то был бы весьма удивлен, ибо на волевом, никогда не затуманивавшемся сомнениями лице Чужака отражалась непривычная растерянность.

Но никто в этот момент его не видел, майор был в кабинете один. Однако и оставаясь наедине с собой, Степан Акимович умел держать себя в руках, посему то, что кто-нибудь принял бы лишь за растерянность, в действительности было подлинным смятением. Прежде нечто подобное случилось с Чужаком лишь однажды в жизни, лет восемь назад, в Одессе, во время служебной командировки, когда одна смазливенькая бабенка, которую он после ресторана увлек в свой гостиничный номер, вдруг при потушенном свете, в самый *тот* миг оказалась самым что ни есть мужиком. И смятение было тогда вовсе не потому, что подобные мерзости на свете иногда-таки встречаются, а просто потому, что ждал одного, а на проверку вышло настолько вот иное!

Если же не считать того одесского случая, то и не припомнить, чтобы Чужак ошибался когда-либо в жизни, хоть бы даже в самых пустячных мелочах. Играя в преферанс, всегда предчувял, какой прикуп лежит, отчего никогда не бывал в проигрыше. И во время допросов помогал: всегда знал, когда расколется нелюдь. Нынче, допустим, и усердствовать без надобности, пустое дело; а вот через два дня нужно уж как следует постараться: во всем сознается, ни от чего не отвертится, сукин сын! Или, к примеру, с Любочкой, машинисткой. Неделю назад – здрасьте-пожалста: «Подзалетела я опять, кажись, товарищ майор. Похоже, снова придется к бабке Лукьяне идти, так что уж готовьте, как в прошлый разик, сто пятьдесят рубликов». А он в одно ухо впустил, в другое выпустил. На сей раз даже и денег от жены, от Клавдии, заначивать не стал, не сомневался – обойдется. И точно! Нынче же утром Любочка сообщила: ошиблась я, Степан Акимович, напрасные страхи.

Даже изменения погоды чуял загоя. Вот нынешнюю капель предугадал еще вчера, когда на дворе стоял лютый мороз. Небось теперь все, кто в соседних кабинетах парятся в теплых поддевах, а он, Чужак, в одной летней маечке под гимнастеркой, в полной поэтомому комфортабельности. Была в нем, видно, такая какая-то особая жилка, дарующая человеку это чутье. А от большой беды сколько раз эта жилка уберегала, от самой что ни есть гибели! Так, в Гражданскую, в девятнадцатом, от лютой смерти спасла. Всего-то и надо было двум эскадронам ЧОНа, его и Петьки Кувалдина, объехать деревню Пантелеевку для присоединения к бригаде. Кувалдин говорит: «Лучше слева объехать, у речной балки, так выйдет короче», – а он ему: «Ну а мы давай-ка – справа, вокруг леска, вот и поглядим». Вроде просто так, на спор сказал.

Ан нет! Она, точно, она, *жилка*, подсказала! Потому как слева от Пантелеевки наткнулся тогда кувалдинский эскадрон на большой отряд белоказаков, на другой день всех нашли порубанными. Если б не она, не жилка, лежать бы и ему, Чужаку, там, в речной балке, разрубленном, как Петя Кувалдин, казацкой шашкой от плеча до крестца.

А когда взяли на работу сюда, в ОГПУ! Тоже ведь жилка, поди, подсказывала. Вроде бы пустяк подсказывала: с теми выпивай, балагурь, а с теми – ни-ни! Но вышло, что оно вовсе и не пустяк. С кем «ни-ни» – те уже давно постреляны, вражье семя, а с кем сошелся – те вон как в гору пошли! А за собой и его потянули. Потому-то он сейчас и сидит за большим столом в большом кабинете, а не кормит червей в безымянной могиле, а в петлице – ромбик высшего

комсостава, генерал по-старому¹. А за дверью, в приемной, Любочка-прелесть на «ремингтоне» пальчиками наманикюренными тюк-тюк-тюк.

Жилка у него потому как!..

Но что ж она, жилочка-то заветная, два дня назад не подсказала ему ничего?

Когда два дня назад узнал, что найдены мертвыми старший майор госбезопасности Буцис и майор Ведренко, нисколько это его, Чужака, не встревожило. Смерть обоих, правда, вызывала некоторые вопросы. Ведренку обнаружили в Мытищах, где ему ровным счетом делать было нечего, в незамерзающем пруду возле ТЭЦ, с пудовым камнем на шее, а Буциса (вовсе уж странно!) нашли висящим на дереве в Нескучном саду с фанерной табличкой на груди, и написано на этой табличке было рукой самого же Буциса вот такое: «Люди! Я – гад распоследний! Простите меня!»

Горевать об их гибели было не с чего – оба служили в другом отделе, Ведренку он не знал вовсе, а с Нюмкой Буцисом пересекался когда-то лишь раз, давным-давно, по смутному одному делу... Ладно, что теперь вспоминать! Здесь, в *конторе*, где вместе после очутились под крылом сперва у врага, у Ягоды, а теперь вот у Ежова Николай Ивановича, ни в какие разговоры он с ним никогда не вступал: жилка подсказывала, что Нюмка из тех, с кем – *ни-ни*. Поэтому тогда, узнав по сводке об обоих жмуриках, только лишь подумал: зачем же так по-хитрому-то убрали этих двоих? Не хотели шлепнуть как вражин (на то у наркома, у Ежова, у Николай Ивановича, могли быть свои какие-то высокие резоны), так можно бы устранить попроще – вон, хотя бы как в прошлом месяце того же комиссара 3-го ранга Шептунова. Шел к Фроське, к любовнице своей, в подъезде получил маслину в лоб, и все дела.

А почему? А потому, что, видно, знал этот самый дурень Шептунов слишком много такого, чего ему, по всему, знать не следовало бы, да только никакой жилки не имел, чтобы сие уразуметь. Но это Чужак лишь для себя вывел, да и выкинул из головы как для нее, для головы, совсем лишнее. А по делу комиссара Шептунова доложил народному комиссару Николаю Ивановичу, что пал-де Шептунов в результате разветвленного вражеского заговора, и они, враги, числом шесть человек, уже во всем сознались и теперь ждут, когда их покарает справедливая рука пролетарского возмездия.

Улыбнулся тогда Николай Иванович, сказал: «Молодцом. Хорошо работаешь, Чужак». Не подвела, стало быть, жилка!

Ну а раз так, то с делом этих двоих, Буциса и Ведренки, разбираться тоже поручили ему. Дело, конечно, было похитрее шептуновского, в том смысле похитрее, что заговор недобитых вражин должен был быть куда как разветвленное. Уже семнадцать человек участников сидели по этому делу во внутренней лубянской тюрьме. За первые же сутки двенадцать из них уже давали признательные показания, а оставшиеся пятеро, главные злыдни (два инженера, профессор, бывший поп и Усачов, врач-стоматолог этот хренов, что на Аглайке, чужаковской старшенькой, жениться в прошлом году передумал), – эти пятеро не то чтобы вовсе упорствовали про вражий Центр, который ими руководил, сразу как на духу все выложили (а отделения того Центра оказались и в Париже, и в Лондоне, и в, мать ее, Аддис-Абебе, и еще хрен знает где), да вот ни в какую выдавать не желали, каким образом им удалось заставить старшего майора Буциса, не трусливого вообще-то мужика, перед гибелью написать на фанере те глупые слова.

Решил: пытками, должно быть, принудили, не иначе. Оставалось до малого дознаться: где пытали и как. Вот в этом «как» и была пока что самая заморочка – следов-то на теле у покойного никаких! Однако товарищу Ежову он, Чужак, еще вчера направил рапорт: так-де и так, раскрыт злодейский... разветвленный... с участием...

И вот нынче утром звонок по внутреннему. Николай Иванович самолично! Да вдруг:

¹ Звание «майор государственной безопасности» в ту пору приравнивалось к общевоинскому званию «комбриг» (впоследствии – генерал-майор) (здесь и далее примеч. автора).

– Ты что мне, Чужак, баранья башка, что ты мне там насочинял?! Ты кому голову морочишь, сукин сын?! – Голос у маленького, худосочного Николай Иваныча тоненький и вонзается, когда нарком в гневе, как острое шильце, в самую-самую душу. – Что ты мне там наплел, писака гребаный?! Что мне твои говенные попы и сраные инженера?! Подотрись своим рбмном и ищи мне по-настоящему! По-настоящему – понял?! Ищи, кто убирает чекистов! И этих двоих, и Цыганкова, и Капралова, которых – еще в январе! Чтоб все раскопал! Носом землю рой – а раскопай! Сроку тебе две недели! Не раскопаешь – пожалеешь у меня, что на свет появился, понял, Чужак? Всё! – Отбой в трубке.

И сидел Чужак перед телефоном, и смотрел на аппарат ошарашенно. Душа, этим шильцем, тоненьким, визгливым голосом товарища наркома насквозь прораненная, болючей болью заныла вся. Никогда еще Николай Иванович с ним так не разговаривал. А в чем провинился он, Чужак, чего ему жилка-то его не подсказала?.. Был тут, конечно, и страх, ибо знал он, а кому еще как не ему, Чужаку, и знать, сколь не пустячна угроза народного комиссара: «Пожалеешь, что на свет появился». Но было и кое-что еще, терзавшее изнутри едва ли не так же мучительно, как страх. Если уж сам Николай Иванович приказал искать по-настоящему, – стало быть, взаправду, *по-настоящему*, существует какая-то вражья сеть, которая выделяет вот такие вот вражьи дела! Это как же, как же, едрен-ть, проморгали-то?! И эти, из девятого отдела, Цыганков с Капраловым, тоже, выходит, *в самом деле* какими-то неведомыми врагами убраны!

Взаправду, стало быть, *по-настоящему*, под самым носом разгуливает лютый враг! Что ж это делается, братцы?!

Любочка без стука открыла дверь:

– Товарищ майор, отпечатала, тут расписаться... – Вдруг, осекшись, спросила с испугом: – Что-то случилось, Степан Акимович? У вас лицо такое...

И впервые Чужак ответил ей грубо:

– Изыдь!

* * *

В это же самое время в том же самом здании и в таком же точно, как у Чужака, кабинете, но только расположенном этажом выше, за письменным столом сидел человек, носивший такое же, как Чужак, звание майора государственной безопасности, но на этом их сходство заканчивалось. У этого человека была неброская фамилия Николаев, и звали его, разумеется, Николай Николаевич. «Разумеется» – потому что рядом находились кабинеты Иванова И.И. (Иван Иванович, конечно же), Петрова П.П., Сидорова С.С. и т.д., так что считать их фамилии, имена и отчества подлинными мог бы только очень наивный гражданин.

Впрочем, столь наивные граждане на этом этаже никогда и не появлялись, ибо отдел майора Николаева, в отличие от чужаковского отдела, занимался розыском настоящих шпионов, засланных из-за рубежа, а не запуганных инженеров, врачей и прочих граждан, готовых после встречи с лубянскими костоломами подписать признание в чем угодно, хоть в шпионаже в пользу Шумерского царства. И хотя раскрываемость в отделе Николаева исчислялась единицами в месяц, а не сотнями в неделю, как у Чужака, этот отдел начальство ценило и даже, пожалуй, несколько побаивалось. И служили тут люди – не чета чужаковским мастерам пыточных дел с большими кулаками и тремя классами образования (да что там, когда сам нынешний нарком госбезопасности Ежов писал в графе «образование»: «незаконченное низшее»); все служившие тут имели образование высшее (а то и не одно), владели в совершенстве тремя-четырьмя иностранными языками (Николаев – шестью), какое-то время нелегально работали за границей. В общем, это был штучный товар, который надо беречь.

И никогда в их кабинетах не раздавались матюги следователей и стоны избиваемых, здесь вообще предпочитали тишину.

В тиши своего кабинета майор Николаев на время оторвался от чтения отчетов о наблюдениях за неким гражданином Быковым, почти наверняка являвшимся немецким шпионом, и недавно приехавшей в СССР некоей миссис Сазерленд, женой британского миллионера, с которой пока не все было ясно, и взялся за сводку по наркомату за минувшую неделю.

Строки об убитых столь затейливым образом майоре Ведренко и старшем майоре Буцисе вызвали особый интерес майора, хотя по его виду никто бы этого не заметил. Он подумал: «Допрыгались, мерзавцы! Давно пора», – поскольку знал за этими двоими много всяких гнусностей. Увы, гнусности эти нельзя было отнести к какому-нибудь троцкизму, носили они чисто бытовой характер, потому-то эти двое столь долго были вне всякой опасности, так же, как Цыганков и Капралов, убитые сходным образом чуть ранее.

И вот наконец кто-то решился поступить с ними так, как в любой другой стране поступило бы с ними само государство. Но здесь... Все их художества могли проходить лишь по линии милиции, однако разве ж наша народная милиция посмеет тронуть сотрудников самого НКВД, да еще носящих такие высокие чины?

Тогда кто же их?.. Безусловно, действовала какая-то умелая организация. «Молодцы ребята, славно сработано», – подумал Николаев, и как раз в этот момент зазвонил телефон.

Звонил сам народный комиссар Ежов. С майором Николаевым нарком всегда был по-своему вежлив, никогда не «тыкал», не повышал на него голос, словно его, наркома, вдруг пригигало перед этим умником «незаконченное низшее».

Сперва нарком поинтересовался, как дела с этим Быковым, немецким шпионом.

– Пока «водим», – коротко ответил Николаев.

Майор знал, что Ежов искренне не понимает, зачем долго «водить», если можно сразу взять и – по-рабоче-крестьянски – просто бить, пока не расколется, но и давить на их отдел как-то робеет.

– Ну-ну, водите, – сказал нарком.

Было ясно, что этот вопрос сейчас его мало интересует. Он сразу перешел к тому, что действительно его зацепило – к убийствам Буциса, Ведренки и других.

– Что думаете, Николай Николаевич, – спросил он, – может, это чья-нибудь иностранная разведка?

– Едва ли, – ответил майор. – Никакой разведке не интересны эти...

– ...эти говнюки, – закончил за него нарком. – М-да, разведки всяким говном не интересуются... Тогда кто же?

– Мало ли кто. Думаю – просто на бытовой почве.

– Бытовуха... – с сомнением проговорил Ежов. – Уж больно как-то для простой бытовухи складно вышло... Может, передать в ваш отдел?

– Вы же знаете, Николай Иванович, наш отдел бытовухой, как вы выразились, не занимается, – сухо заметил майор Николаев.

Некоторое время он слышал в трубке сопение, которое, вероятно, отображало гнев народного комиссара, но, посопев немного, нарком лишь произнес:

– Ну ладно, – и повесил трубку.

Майор Николаев снова просмотрел сводку, хотя и так знал ее наизусть после первого прочтения – таково было свойство его памяти, – и проговорил:

– Любопытно... – что обычно означало его крайнюю заинтересованность в каком-либо деле.

Народный комиссар же, повесив трубку, произнес:

– Сука!.. – имея в виду, понятно, этого чистюлю-майора, до которого когда-нибудь он и доберется он.

Затем Ежов произнес еще одно слово, совсем уж грязное, обрисовав этим словом для себя не только этого майора, но и всю сложившуюся ситуацию в целом.

Настроение было мерзкое. Он находился в том состоянии духа, когда лучше не попадаться ему на глаза.

* * *

Но если бы тем же самым утром кто-то увидел ответственного работника одного из важных промышленных главков Павла Никодимовича Куздюмова в ту минуту, когда тот выходил из подъезда своего дома, что на Арбате, то даже следа озабоченности не прочел бы на его уверенном лице. Кое-что, правда, озаботило Павла Никодимовича в то утро, но было это полчаса назад, сразу после завтрака, а по здравом размышлении она, эта озабоченность, к моменту выхода из дому уже целиком прошла.

Тогда, после завтрака, лишь только он затянулся папироской и открыл свежий номер «Правды» с репортажем о процессе над гадами-вредителями, – минуты эти благодатные, с газетой и папироской, он особенно в жизни ценил, – Соня, домработница, вдруг положила перед ним конверт без почтового штемпеля:

– Вот, Пал Никодимыч, опять подсунули под дверь.

«Черт! – подумал Куздюмов. – Снова кто-то все те же шутки шуткует!»

Третьего дня похожий конверт без обратного адреса и почтового штемпеля ему уже подсовывали таким же манером. И в конверте лежала писулька с невероятной фигуркой: дескать, уведомляем вас, гражданин Куздюмов, что какой-то, понимаешь ли, Тайный Суд (нет, ну придумают же, гады!) на завтра, мол, назначает предварительное заседание, связанное с вашим делом. Если, мол, желаете присутствовать на этом заседании, то подойдите ровно в шесть часов вечера к газетному киоску возле вашего дома, там вас встретят и отвезут в надлежащее место. Дальше говорилось, что если он к киоску вовремя не подойдет, то это самое заседание Суда все равно состоится, но только в таком случае уже без его присутствия. В общем, наподобие повестки.

А на деле, если чуть пораскинуть мозгами, то чушь ведь, чушь несусветнейшая! Тут и слов даже, кроме матерных, не подобрать, чтобы выразить, какая чушь!

И, понятно, ни подписи, ни печати. Да и откуда у них, у шутников этих, печать? У них даже машинистки знакомой не нашлось, чтобы для какой-то хоть мало-мальской убедительности на машинке это отстукала, от руки эту фигурку накропали!

А хоть бы даже и на машинке, хоть бы даже, пускай, с печатью – оттого меньшей чушью не стало бы! Додуматься: встреча у киоска! А сами небось из какого-нибудь окошка будут в бинокль наблюдать, как он, дурень, у того киоска мается на морозе, чтобы вдоволь похихикать над ним, знаем таких шутников! Нетушки! Поищите себе дурачка в другом месте, шутники фигурки!

В милицию бы эту фигурку отнести – да только недосуг!.. И вообще при мысли о милиции отчего-то кольнуло в душе нехорошо. Хотя с чего бы? Ведь не было же, не было за ним ничего такого, чтобы самому ее бояться, ну ровным счетом ничегошеньки!..

Ладно, аллах с ней, с милицией. В тот раз просто выкинул в ведро эту писульку – и из головы вон. Но вот, гляди ж ты, неймется им! Снова!..

Павел Никодимович нехотя отложил газету, оторвавшись от репортажа на самом интересном месте, где как раз перечислялись все гнусные злодеяния этих гадов-вредителей, и вскрыл конверт.

Конечно! То же самое! И почерк тот же... Он прочел:

Г-н Куздюмов.

Сим Вы извещаетесь, что, несмотря на Вашу неявку, предварительное заседание Суда, связанное с Вашим делом, состоялось. Ввиду тяжести предъявленных Вам обвинений, Суд счел возможным отложить вынесение приговора до следующего заседания, кое состоится 19-го числа сего месяца в 7 часов вечера.

Сообщаем также, что сторона обвинения требует за Ваши преступления смертной казни, поэтому Ваше присутствие необходимо. Посему в случае Вашей неявки к 6 вечера 19-го числа в указанное прежде место (у киоска) Вы будете доставлены в Суд в принудительном порядке.

Девятнадцатого. Это, стало быть, через десять дней. Стало быть, в самое что ни есть полнолуние, мать их! Что-то изгадить решили, говнюки! Все уже готово – и нате!.. Полная фигистика – а ведь изгадит, изгадит! Хоть письмишку ихнему, понятно, грош цена – а память о нем будет в тот самый день мешать, как чирей в неудобном месте, вот в чем главное гадство-то!

Куздюмов еще раз, теперь более внимательно осмотрел письмо. Подпись на сей раз все-таки была поставлена, а внизу значилось: «Председатель Тайного Суда», и стояла какая-то замысловатая закорючка. И печать на сей раз была. Без герба, впрочем, печать, а всего лишь было изображено на ней пять нерусских букв: S. S. S. G. G., любой умелец из подметки такую вам печать вырежет, плевое дело. В общем, снова такая же фигня, как в прошлый раз.

Но – девятнадцатое! Вот в чем гадство-то! Далось им, долбоотрясам, это девятнадцатое!

Кое-что еще, впрочем, все-таки царапнуло душу. Нет, не сама повестка эта дурацкая (такое – встречу у киоска – только распоследний долбоотряс мог придумать; уж небось тем вредителям, про которых в газете, не у киоска встречу-то назначали), а именно фашистские эти, гадские буквочки на печати душу царапали. Может, в них, в буквочках, подлость главная-то и сокрыта? Может, не для шутки вовсе, а для подлости как раз все и затеяно? Может, за ними, за буквочками, прячется такое, за что тебя сразу и в расход по нынешним временам?..

А если подлость, призадумался Куздюмов, то понять бы, кто за нею стоит... Ну да тут не угадаешь – недоброжелателей множество. Возможно, вдова шлепнутого в прошлом году Ханаева, на которого он, Павел Никодимович, где надо *показал*, или – по той же самой причине – кто-нибудь из родственничков Зильберштейна, чье место в главке он сейчас занимает, или сын того гада Данилевского, в чьей квартире на Арбате сейчас он и живет, или, наконец, муж посаженной Новиковой, – всех таких, на любую подлость по отношению к нему способных, не перечесать.

Но что, что эти буквочки-то поганые означают?! Из-за них, из-за буквочек, и не покажешь бумаженцию эту никому, кто мог бы пресечь долбоотрясов-шутников, потому что – вдруг да и означают что-нибудь такое уж мерзопакостное, что не приведи господь!

Оттого после минутных раздумий Павел Никодимович решил бумаженцию эту подлую никому не показывать. Черт с ними, с долбоотрясами, нехай до поры до времени поживут, когда-нибудь и на них управа найдется. Главное – девятнадцатого, в полнолуние, не вспомнить бы ненароком про эту ихнюю фигистику! Хватит с них, с долбоотрясов, и того, что сегодняшнее утро испоганили. Вон и папироса дотлела, недокуренная, и «Правда», так и недочитанная, лежит, и рюмочка целебного спиртового настоя на лекарственных травах, что перед завтраком для общего здоровья и для мужской силы в себя ежеутренне вонзал, ушла безо всякой пользы, не грела изнутри, словно не было ее.

Ладно, забыть бы за эти десять дней, что остались до девятнадцатого, до полнолуния, про эту фигню!..

И только в ту минуту, когда бумажка уже догорала в пепельнице, царапнуло еще одно: о каких таких его *преступлениях* там, в бумаженции этой?..

Вдруг он даже про послание чертово забыл. На какой-то миг – словно въяве – прошлое полнолуние...

Приклеенный к ночному небу желтый круг луны, и в его свете – девочка, лежащая лицом вниз...

Руки раскинуты. Она не шевелится уже. Затихла. И прядь соломенных ее волосиков упала в блестящую под луной, уже замерзающую красную лужицу...

Нет, главное – не думать об этом! К черту! Примерешилось! Не было такого никогда!

И через полчаса, выходя из подъезда, Павел Никодимович Куздюмов потому и был столь спокоен, что окончательно утвердился в главном: того, привидевшегося, *никогда, никогда не было!*

В то же самое утро, но несколько позже, совсем из другого дома вышел солидного вида гражданин с окладистой бородой, в дорогой шубе нараспашку и направился к ожидавшему его черному автомобилю, сверкавшему на весеннем солнце, как новая галоша. Из радиоприемника в кабине автомобиля доносился голос диктора: «Вся страна с гневом и возмущением наблюдает за бандой гнусных предателей, отщепенцев, кровавых убийц, сидящих на скамье подсудимых. Демонстранты, выстроившиеся перед входом в Колонный зал Дома Союзов, требуют смертной казни для извергов и отщепенцев, наймитов капитализма, предавших свой народ. Убить, как поганых псов, растоптать, как нечисть!..»

Когда бородатый гражданин уселся рядом с водителем, могучим детиной атлетического сложения, тот несколько приглушил звук в радиоприемнике, машину, однако, пока не заводил. Некто лысый, худощавый, со странным, асимметричным лицом, сидевший сзади, спросил:

– Что будем делать с Куздюмовым? Следующее заседание только через десять дней, за это время не смылся бы. Доказательств хватает, может, на пораньше назначим заседание?

– Нет, пока продолжайте наблюдения, – был ответ. – Раньше никак нельзя – сами знаете, мы с вами вдвоем не имеем права принимать столь необратимые решения. Без третьего заседателя нам никак не обойтись.

– Но ведь вы же разговаривали с этим, с доцентом... все забываю фамилию, – досадливо поморщился асимметричный.

– С Васильцевым, – подсказал обладатель бороды. – Да, разговаривал вчера. Но он пока явно не готов. Его, однако, можно понять. Вы, Борщов, сколь мне помнится, тоже когда-то упрямылись сперва.

– Однако, Ваша Честь... – начал было асимметричный Борщов, но собеседник перебил его:

– Сколько можно напоминать! Я же просил, когда мы вне стен Суда, обращаться ко мне...

– Да, да, виноват! Георгий Теодорович! – поспешил поправиться тот. – Я только хотел сказать, что если я тогда не согласился сразу, то лишь потому, что выставил прежде кое-какие условия.

– Да, помню, торговались, было дело.

– Ну вот! А этот, как я понимаю, даже не торгуется. Тогда, по-моему, безнадежное дело.

– И что же вы предлагаете?

Борщов почесал лысину.

– Да черт его... Пожалуй, теперь уже просто так и не отступишься, знает он теперь слишком много. Наверно, придется убирать.

Его собеседник поморщился:

– Экий вы, Борщов... Вы, наверно, забыли, что он по праву рождения...

– Ну, нас тут, положим, всех не в капусте нашли, – тонко усмехнулся асимметричный.

– Решаю тут, однако, пока что я, – властно сказал тот, кого звали Георгием Теодоровичем. – Посему мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы Юрий Андреевич Васильцев в конце концов был с нами. – И, считая этот разговор оконченным, он повернулся к водителю.

В это самое время из радиоприемника, хотя звук и был приглушен, прорывался надрывный голос женщины, заходившейся праведным гневом: «Слава нашей родной партии, слава нашим доблестным чекистам, вовремя разглядевшим этих кровавых волков под их овечьими шкурами! Простая прядильщица, мать четверых детей, я говорю: смерть троцкистским шпионам, смерть подонкам, смерть гнусным гадинам! Смерть им! Проклятье им и вечное презрение в наших сердцах!..»

– Тебе, Викентий, еще, право, слушать не надоело? – спросил бородач шофера. – Послушал бы другое что-нибудь.

– Так ведь сейчас, Ваша Честь... виноват – Георгий Теодорович!.. Сейчас же везде – ни о чем другом больше, – отозвался тот.

– Просто ты, Викентий, не умеешь слушать. – Бородач выключил радиоприемник. – Вот теперь попробуй-ка, прислушайся.

– К чему? – не понял шофер.

– Неужели не слышишь? Давай же, прислушайся! Капель! И птицы щебечут!

– А-а... Да, расщебетались пташки. А чего ж – весна как-никак...

– Сегодня с самого утра щебечут, – обращаясь, возможно, уже и не к Викентию, а к самому себе, произнес Георгий Теодорович. И, немного помолчав, добавил: – А мир, в котором по весне щебечут птицы, наверное, нельзя считать совсем уж потерянным.

– Да, – проговорил сзади асимметричный Борщов, пока шофер заводил машину, – весна! А ведь еще вчера какой стоял морозецкий! Кто б думал, что оно в один день эдак вот растеплется!

Глава 2

Бывший доцент Юрий Андреевич Васильцев получает странное письмо

Весна, в самом деле, упала на Москву настолько стремительно, вдруг, что всего днем раньше, в ту промозглую стынь, птичий щебет и капель казались Юрию Васильцеву едва ли не такими же далекими, как какой-нибудь благодатный, надо полагать, остров Майолика, где ему уже едва ли было суждено побывать. Люди, которых он знал, исчезали один за другим, и над ним самим с недавнего времени настолько сгустились тучи, что надежда не сгинуть в этой затянувшейся зиме, дотянуть до тепла, с каждым днем представлялась все более призрачной.

Ах, как же все-таки с недавних пор придавила его жизнь, в какие стальные клещи взяла!

Началось с того, что минувшей осенью его уволили из университета, где он к тому времени проработал восемь лет. Произошло это под расхожим лозунгом «оздоровления кадров», и причина была столь же расхожая: непролетарское происхождение. В самом деле, ну может ли сын какого-то дореволюционного адвокатишки, выступавшего перед царским судом присяжных, полноценно заниматься теорией гильбертовых пространств, совершенно к тому же ненужных для окончательного построения всеобщего счастья, возможного, как ныне известно, в пространствах совсем иных, куда более для него, для этого строимого счастья, приспособленных? Вот будь он, Васильцев, сыном, к примеру, поморского рыбака, навроде Михайлы Ломоносова, – тогда бы, может, и не такой грех – даже на худой конец и этими самыми, к бесу, гильбертовыми...

Впрочем, до поры до времени имя отца-адвоката в какой-то мере даже оберегало Юрия Андреевича от лиха, иначе наверняка «оздоровили» бы от него кафедру много ранее. Но дело все в том, что отец его, Андрей Исидорович Васильцев, во времена оны слыл адвокатом *прогрессистского* толка, защищал перед «фарисейским царским судом» кое-кого из *революционистов* (почему-то Васильцев-старший именно так, насмешливо их в ту пору величал), и некоторые из них после того, как волею судеб в один миг возметнулись к вершинам власти, не забыли тогдашнего своего защитника, оттого и «мелкобуржуазное» прошлое молодого Васильцева когда-то не помешало ему поступить в университет, с отличием окончить его, затем остаться служить на кафедре и даже в конце концов достичь доцентского звания.

Однако не столь давно произошел еще один изворот времени, и прихотливой волею все тех же судеб бывшие отцовы подзащитные рухнули со своих высей, навсегда растворились в небытии. Тогда и настала пора припомнить молодому доценту Юрию Андреевичу, кого отец его усопший, либерал-буржуазный адвокатишка, некогда спасал от «царского произвола». Гнусных гадин и кровавых убийц – вот же ведь, оказывается, кого! Тут-то кафедру от него, от Васильцева-младшего, как можно поспешнее и «оздоровили».

Да и то следовало бы еще судьбу благодарить, что на сей раз «оздоровление» произвели относительно гуманно, с некоторым даже либерализмом, совершенно не свойственным суровости времени – всего лишь вышвырнули без выходного пособия; живи, радуйся. От профессоров Головина, Суржича и Тиходеева «оздоровились» куда как по-другому – настолько радикально, что оттуда, где они сейчас пребывают, еще никто никогда ни единой весточки не получал, ибо в их приговорах так и значилось: «без права переписки».

Поэтому, оказавшись вышвырнутым на улицу, Юрий Андреевич на первых порах не слишком сетовал на свою долю. Тем более что работать на постоянно «оздоравливаемой» кафедре становилось уже невозможно, ибо вместо классово чуждых доцентов и профессоров ее теперь заполняли люди в галифе и пахнущих дегтем сапогах; они, эти люди, куда лучше, чем о гильбертовых пространствах, ведали о законах классовой борьбы и об устройстве револьвера системы наган, то есть владели знаниями куда более полезными для установления всеоб-

щего счастья и мировой гармонии. Так что, устроившись истопником в котельную и сменив свой старенький пиджачок на спецовку и ватник, Юрий Андреевич на первых порах испытал некоторое даже облегчение и ощутил нечто наподобие свободы, насколько она, свобода, была вообще представима в нынешней заиндевелой от страха и холода Москве.

Увы, даже эта крохотная свобода была призрачной. Вскоре он понял, что неотвратимое лихо уже примеривается схватить его за горло и уволочь в свою бездну. Одного за другим стали забирать всех, с кем он был в мало-мальски теплых отношениях. Исчезла вся семья Львовых, исчез его учитель профессор Суховерко, исчезли Маневичи, оба, муж и жена. Снаряды ложились уже совсем поблизости. Когда же несколько дней назад взяли друга, Ваню Ахтырцева, снаряд разорвался настолько рядом, что уже оставалось только удивляться, как этим снарядом не накрыло сразу их двоих.

Но *там* почему-то именно с ним не спешили, хотя и не таили вовсе, что их когти уже нацелены на него. Три дня назад в дом явился участковый и отобрал у него паспорт – якобы для какой-то срочной проверки. Его сменщик по котельной, в прошлом всемирно известный специалист по древнеримской истории профессор Дмитрий Романович Суздалев, услышав о сем, объяснил Юрию:

– Ах, право, не хочу вас, мой любезный, страшить, но уверен, вовсе никакая это не проверка, уже давным-давно они попроверяли все, что могли. А паспорт, полагаю, отобрали, просто чтобы вам труднее было скрыться, если вдруг ненароком надумаете.

На вопрос же Васильцева – почему было не забрать вместе с паспортом и его самого, ответил:

– Возможно, все камеры у них забиты – вон, сколько народу похватали, а камеры-то не резиновые. Но лично я все-таки склоняюсь к иному объяснению. Просто играют с вами в кошки-мышки. Известный прием! В каких-то целях желают, чтобы вы до времени сдались, пали духом. Такие методы весьма распространены были в разные времена, к примеру, в Древнем Риме при императоре Домициане, последнем из Флавиев: кто-нибудь сообщал обреченному патрицию, что тот уже внесен в проскрипционные списки, и в этом подвешенном состоянии его держали порой месяцами. Впрочем, полагается мне, эти наши нынешние проскрипционеры про онго Домициана едва ли слыхом слыхивали. Сами, своим самобытным классовым умом, должно быть, додумались... А вы, милый, не поддавайтесь, не поддавайтесь, вот вам единственный мой совет! Не падайте духом, не доставляйте им такое удовольствие! Берите пример с меня, старика. Тоже, кстати, второго дня паспорт изъяли – а вон, живу не тужу, жизни радуюсь, насколько она, жизнь-каналья, покамест это позволяет! – С тем и ушел, беззаботно насвистывая марш из «Аиды».

Оптимизма в душе у Васильцева этот разговор не посеял, лишь утвердил его в собственной же мысли: да, зачем-то играют с ним в кошки-мышки. И когда на другой день получил то самое письмо, поначалу был уверен, что сие – какой-то их очередной дьявольский ход в этой зловещей игре.

Непонятно, однако, было, почему письмо пришло не по почте. Соседка Головчинская, камергерская вдова осьмидесяти лет (да, окружнице у него было, однако!), сказала, что приходил какой-то странный субъект с кривым лицом и оставил для него, Юрия, этот пухлый запечатанный пакет.

Когда, зайдя в свою комнату, вскрыл пакет, из него выпала довольно толстая пачка денег и сложенный вчетверо лист бумаги. Однако еще прежде, чем Васильцев пробежал глазами текст послания, он подумал: «Провокация!» – ничего другого не пришло в голову в тот миг. Ибо прежде всего он зачем-то внимательно разглядел этот лист белейшей, должно быть, рисовой бумаги, – нынче в СССР такую поди раздобудь, разве только в каком наркомате, – и увидел внизу крохотную отметку производителя с адресом (так и есть!) – Лондон, какая-то стрит, – а вдобавок, взглянув на просвет, обнаружил на листе водяные знаки с начертанием

пяти латинских букв: S. S. S. G. G. Конечно, буквы могли означать что угодно, что-нибудь даже вполне себе безобидное, но если это была провокация, то затеявший ее прекрасно понимал, что здесь этот иностранного происхождения листок, да еще с приложенными к нему деньгами, по нынешним временам означал лишь одно. «*Расстрелять, как поганого пса!*» – вот что означали здесь эти вполне, быть может, невинные буквочки.

Не сразу достало сил прочесть это написанное красивым почерком письмо. Когда, однако, все-таки наконец прочел, вовсе перестал что-либо понимать.

Написано было вот что:

Милостивый государь Юрий Андреевич.

Предваряю сим письмом нашу встречу, дабы оградить Вас от необдуманных поступков.

При этой встрече я должен буду сообщить Вам о той миссии, право на которую Вам даровало Ваше происхождение. Осуществляя ее, Вы примете участие в благородном деле, в коем участвовал и Ваш покойный отец Андрей Исидорович, мой соратник и друг, а также более далекие Ваши предки. Могу сказать с уверенностью, что без таких людей, как они, наш, увы, весьма несовершенный мир был бы еще непригляднее, нежели даже тот, который мы ежечасно принуждены лицезреть.

*Не зная, как Вы распорядитесь настоящим письмом, не могу раскрыть в нем все, что Вам должно узнать и о чем Вы непременно узнаете при нашей встрече. Покуда же позволю себе лишь упомянуть, что речь идет об одной древней, овеянной многовековыми традициями юридической процедуре, имя которой – *Heimliche Gericht*²; – быть может, Вам при каких-либо обстоятельствах доводилось слышать это словосочетание от покойного Андрея Исидоровича, и в таком случае Вы, быть может, с большим доверием отнесетесь и к настоящему письму, и ко всему, о чем Вам предстоит узнать.*

К сожалению, полностью открыться перед Вами Андрей Исидорович, согласно принесенной им клятве, имел право лишь на смертном одре, а погиб он (я это знаю), когда Вы были еще в слишком юных летах, чтобы все это постичь, причем погиб при страшных обстоятельствах, кои мне также ведомы. В тот трагический миг Вы единственный очутились рядом с ним, и чтоб, если он все же успел произнести некоторые слова...

Вчитайтесь в эти пять слов: «палка», «камень», «веревка», «травя», «страдание». Если они что-то Вам напомнят, то пусть же они послужат для Вас моей верительной грамотой.

Что касается нашей встречи, то (уж простите за эту небольшую предосторожность) позвольте мне самому в нужный час Вас отыскать.

С уважением к Вам и с глубочайшим почтением к памяти Вашего трагически ушедшего из жизни батюшки,

Г.Т.Д.

P.S. Прилагаю к этому письму некоторую сумму денег. Они принадлежат Вам по праву, ибо примерно такую сумму в пересчете на тогдашние деньги я некогда должен был передать Андрею Исидоровичу, однако ввиду целого ряда обстоятельств не сумел тогда этого сделать. Соболаговолите принять и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Нет, на заурядную провокацию было не похоже. Как-то не представлялось ему, чтобы то ведомство вот так вот запросто разбрасывалось деньгами ради такой человеческой мелочи, какой он, Васильцев, наверняка был в глазах тамошних вершителей судеб... Впрочем, если хотели использовать его как звено в какой-нибудь сложной многоходовой комбинации, то,

² Тайный Суд (нем.)

пожалуй, на деньги могли и не поскупиться, поэтому вовсе не деньги убеждали его в том, что за всем этим стоит отнюдь не провокация, а нечто совсем, совсем иное.

Письмо мигом разбудило детскую память.

Однажды, когда ему было лет семь, он случайно услышал, как отец, разговаривая с кем-то по телефону и не заметив, что маленький Юра вошел к нему в кабинет, произнес в трубку как раз это самое: «Heimliche Gericht». Лишь в этот миг он внезапно увидел сына, сразу же сказал своему собеседнику, что сейчас не может продолжать разговор, и положил трубку.

В последний год, после смерти матери, отец был с ним исключительно мягок и не отчитывал ни за какие провинности, но тут вдруг раздраженным голосом сделал ему строгое внушение за то, что он позволил себе войти без стука. Юра, пристыженный, в тот миг не решился спросить, что это за такой «Heimliche Gericht», но загадочные два слова прочно застряли в памяти, весь день они кружились в голове, как пляшущие гномы, и вечером он все-таки отважился подойти к отцу с вопросом: что они означают?

Вообще-то отец придерживался правила, что его сын может получать ответ на любой вопрос, но тут он перевел разговор совсем на другую тему.

– Обещаю, – сказал, – в должный час ты непременно все узнаешь, но тебе, увы, до поры до времени придется потерпеть. Сейчас же хочу спросить тебя вот о чем; уверен, что рано или поздно об этом должен задуматься каждый, если он желает быть человеком, а не просто двуногим без перьев. Как по-твоему, что лишает людей сил, всяческих надежд, что делает их жизнь совершенно бессмысленной?

Юра молчал, не находясь с ответом – видимо, тем самым *двуногим без перьев* он пока что и был.

– Хорошо, – прервал его молчание отец, – в таком случае скажу тебе свой ответ. В мире существуют чудовищные вещи – войны, голод, болезни, много всяческих других бед; однако нет ничего страшнее чувства кромешной и вечной несправедливости. Если в какой-то момент люди вдруг ощущают, что справедливость навсегда покинула наш мир, им просто незачем становится жить. И у тех немногих, кто тем не менее убежден в существовании справедливости, не может быть более благородной цели, чем вернуть ее, по крайней мере, вселить в сердца людей надежду, что она все-таки где-то есть.

Юра задумался. Два дня назад на уроке латыни Котька Каюков свистнул в классе за спиной у учителя, а тот решил, что это он, Юра, и его оставили без обеда. Было обидно, потому что несправедливо. Но чувствовал, что отец сейчас – о чем-то совсем, совсем другом.

– Вот когда ты научишься забывать о боли, о страхе, если сталкиваешься с несправедливостью, – продолжил отец, – когда перестанешь быть *двуногим без перьев*, тогда и наступит час, чтобы ты обо всем узнал.

Об этом Heimliche Gericht – Тайном Суде – Юра его больше не спрашивал, терпеливо ждал, когда наступит тот самый «должный час», обещанный отцом, он знал, что отец всегда выполняет свои обещания.

Однако это было единственное обещание отца, которое тот не сумел исполнить, ибо в свои тридцать восемь лет он никак не мог ожидать, что в какой-то книге судебных уже предначертан и его собственный «должный час», и этот самый час настанет всего четыре года спустя...

Шел лютый девятнадцатый год. К зиме есть стало совсем нечего, и тогда отец решил расстаться со своими золотыми часами. Едва закрыв за ним дверь, Юра – ах, неужто же в самом деле что-то предчувствовал! – стал у окна, ожидая, когда отец выйдет из подъезда.

Однако прошла минута, другая, а он все не выходил. Вместо него из подъезда вышли двое в долгополых шинелях и быстро двинулись в сторону переулочка. Но прежде чем они скрылись за углом, один из них подкинул на ладони что-то блеснувшее на солнце, и Юра вдруг понял: это же отцовские золотые часы! Боясь подумать о страшном, он стремглав выбежал на лестницу...

Отец сидел, прислонившись спиной к стене. Обеими руками он держался за голову, а из-под ладоней у него струилась кровь и стекала по лицу.

В первое мгновение даже закричать Юра не сумел, в груди не хватало воздуха, и поэтому смог расслышать, как отец тихо произносит что-то. Первых слов он не разобрал, а последние два слова остались в памяти навсегда. Одно слово было «травя», а другое – «страдание», и больше он, кажется, не произнес уже ничего.

Почему, почему отец, умирая, произнес именно их? В сознании был еще или произнес это в предсмертном бреде? Или слова эти ему, Юре, самому в бреде примерещились: в тот миг голова уже плавилась от жара – как вскоре обнаружилось, у него начинался тиф.

Его тогда забрала к себе тетка, и все дни, что он пролежал у нее, в голове кружились эти слова, уже почти утратившие смысл от их бесконечного повторения: «Heimliche Gericht», «Тайный Суд», «травя-страдание», загадочные, как те библейские «мене, текел, фарес», но только не было рядом Даниила, который помог бы разгадать скрывавшуюся за ними тайну.

И другие слова отца то и дело выплывали из памяти: забывать о боли, о страхе, если рядом несправедливость. Иначе ты – двуногое без перьев...

Впервые это странное состояние, когда не испытываешь ни страха, ни боли, если надо предотвратить творимую несправедливость, он ощутил спустя несколько месяцев. И оказалось, в эти минуты он был способен на нечто такое, во что потом и самому едва верилось.

Это случилось через год после гибели отца. У соседа, архитектора Валериана Николаевича Изольского, сохранилась библиотека, каким-то чудом избежавшая огня «буржуйки» в минувшие морозные зимы, Юра часто брал у него книги и в тот вечер зашел вернуть одну из них. Дверь, однако, открыл кто-то незнакомый, во всем кожаном, с наганом на боку, позади стояли еще трое с револьверами на изготовку, в доме густо пахло сапожной ваксой и бедой.

– Расслабься, не тот, – обернулся к остальным «кожаный».

– Я пойду... – проговорил Юра, но тот клещистой рукой ухватил его за плечо:

– Кудыть, очкарик? (После тифа у Юры стало резко падать зрение, с тех пор носил очки с толстыми линзами.) Посидишь тут. – «Кожаный» затолкнул его в кухню. – И чтоб тихо у меня, пискнешь – мозги вышибу.

На кухне уже сидела Катюша Изольская, его одноклассница, сейчас глаза у нее были какими-то не по годам взрослыми от беды.

– Они за Костей пришли, – прошептала она, когда «кожаный» закрыл дверь.

Юра знал, что ее брат Константин, бывший офицер, теперь скрывается где-то в Москве, но иногда тайком заходит к ним по вечерам.

– Он с минуты на минуту должен прийти, – добавила Катюша. – Как узнали? Кто-то, наверно, донес... – Она подошла к открытому окну и вдруг тихо воскликнула: – Господи, да вот он идет!.. Они... Они его расстреляют!..

– Его надо предупредить, – Юра закусил губу.

– Но как?

Решение пришло мгновенно.

– А вот так... – С этими словами он взобрался на подоконник.

У них был высокий второй этаж, внизу – булыжная мостовая. Сзади слышалось:

– Юрочка, стой! Разобьешься!.. – но на раздумья уже не оставалось времени. Да и страха в тот миг почему-то не было совсем...

Приземлился он неудачно, что-то хрустнуло в лодыжке, но боли не почувствовал, просто одна нога стала тяжелой, какой-то не своей, к тому же очки свалились с носа, стекла разлетелись осколками, а без очков он был совершенно слеп, и все-таки удалось пробежать полквартила и распознать Константина Изольского в движущемся пятне.

Страх охватил только после того, как выпалил: «Туда нельзя, там засада!» – и Константин поспешно скрылся в переулке. То был страх не за себя, а за Катюшу и ее отца: если те, с нагами, заметят его отсутствие, они все поймут, и тогда наверняка Изольским несдобровать...

Как с неживой ногой возвращался обратно, как взбирался затем по водосточной трубе – ничего не помнил, точно было не с ним. Помнил только, как потом Катюша спрашивала:

– Ты ногу ушиб? Больно, Юрочка?

Он отмахивался – пустяки, мол. Самое странное – действительно тогда не чувствовал боли! И героем себя не ощущал, просто осознавал, что на какой-то миг внезапно перестал быть двуногим без перьев. Хотя, разумеется, приятно было слышать, как Катюша приговаривала весь вечер: «Ты герой, Юрочка, ты самый настоящий герой!»

Куда она делась потом, Катенька Изольская? Куда-то исчезла, как почти всё и все из той жизни...

Лишь после того, как ночью «кожаный» со товарищи, раздосадованные, ушли, – вот когда только проснулась боль. Да какая! Ходить был уже не в силах. Позвали доктора Каюкова, тоже соседа, тот на дому у Изольских делал ему операцию и все удивлялся:

– Не пойму, как ты еще до ночи продержался-то! Ну потерпи, милый, еще чуток потерпи... Эх, времена! Обычного новокаина ни за какие деньги не сыщешь!

После этого осталась небольшая хромота на всю жизнь. А тогда, во время операции, Юра стискивал зубы от боли и, чтобы не кричать, вспоминал те последние слова отца: «трав», «страдание»...

И вот теперь он вдруг прочел их в письме этого загадочного *Г.Т.Д.* Откуда тот мог их знать? Хорошо, допустим, про какой-то Тайный Суд, если таковой в самом деле когда-то где-то существовал, он мог разузнать что-либо, но те последние слова отца... Да никто на свете, кроме него, Юрия, их тогда не слышал, и после никому он о них никогда не рассказывал. Поэтому никакие самые изощренные специалисты по провокациям никоим образом узнать о них не могли, кроме как разве что на каком-нибудь спиритическом сеансе!..

Он еще раз пробежал глазами письмо. «Трава» и «страдание» стояли там последними в ряду из пяти слов, а перед ними...

Вот они! «Палка», «камень», «веревка»... Что, если эти три слова отец тоже тогда, перед самой смертью, произнес, но он, Юрий, в тот миг их просто-напросто недослышал? Теперь, однако, он был уверен, что именно это, причем в такой точно последовательности, отец тогда и проговорил: «Палка – камень – веревка – трава – страдание...»

Зачем-то он машинально перевел их на немецкий. Получилось: «Stock», «Stein», «Strick», «Gras», «Grein». Вдруг осенило: да ведь вот же что, конечно, обозначают эти пять букв на водяных знаках, эти S. S. S. G. G.! Но только вот что же, черт побери, могло прятаться за всем этим?!

По природной рассеянности не заметил, что камергерша Головчинская просочилась в комнату:

– Юрочка, что-то случилось?

– Тут какая-то ошибка, – растерянно сказал он. – Меня, вероятно, приняли за кого-то другого.

Убедительно врать так и не научился к своим тридцати трем годам, камергерская вдова сразу распознала его ложь. Теперь в глазах ее появился страх:

– За другого?.. Но этот криволицый человек, который принес пакет, сказал, что когда-то хорошо знал вашего отца. Юрий, если можете, скажите, что происходит? Ради бога, скажите мне, это очень опасно?

Он пробормотал:

– Не думаю... впрочем... впрочем, я разберусь... чепуха какая-то... может, чей-то дурацкий розыгрыш...

Вся эта нелепица испугала ее еще более:

– Розыгрыш?.. А деньги? Тоже для розыгрыша?

Чтобы не врать дальше, он торопливо произнес:

– Я все выясню, Мария Сигизмундовна, думаю, я очень скоро все выясню... Простите, мне надо бежать, я сегодня – в ночную смену (что было чистой правдой). Не волнуйтесь. До завтра... – И чтобы не плутаться еще в каких-то натужных объяснениях, метнулся на выход.

В спину ему несло:

– А дверь запереть?! Ну нельзя же быть таким рассеянным!..

Но ему было не до того. Наверно, еще в тот миг, когда сбегал вниз по лестнице, пришла в голову эта мысль, потому утром, по окончании смены, она, эта мысль, казалась Васильцеву до удивления простой. И следующим утром, вышагивая по морозным улицам Москвы, он думал: отчего такая очевидная мысль в первый же миг не посетила его? Если, как написал загадочный Г.Т.Д., этот самый Тайный Суд действительно овеян столь древними традициями, то не мог же он не оставить в истории никакой памяти о себе.

Всего-то надо было просто хорошенько поискать!

Глава 3

Встреча

– «Heimliche Gericht. Geheimsaches»³, – по слогам прочла библиотекарьша в бланке его заказа. И тут же озадачила вопросом: – А спецдопуск у вас есть?

Смотрела на него пристально, отчего Васильцев сразу смутился – не столько из-за отсутствия этого спецдопуска, сколько оттого, что, занятый другими мыслями, явился в библиотеку в спецовке, которую уже привык носить под ватником, да и очки эти, у которых одна дужка была сотворена из проволоки взамен сломавшейся, давно следовало бы заменить – похоже, начал уже забывать, что, кроме его кочегарки, существует еще какой-то мир.

– Что, разве нужен какой-то допуск? – несколько робея, спросил он. – Книга значится в общем каталоге.

– Значит, недоглядели, – сказала девушка. – Кто-то прошляпил – а мне отвечать? Слава богу, я немецкий в техникуме учила. Думаете, не поняла? «Тайный», «секретные». Если секретные – значит, спецдопуск нужен!

– Так секреты же столетней давности! – попытался объяснить он. – Посмотрите на год издания! Тысяча восемьсот...

– Мало ли! – отрезала библиотекарьша. – Без допуска не выдам... Отойдите, не задерживайте очередь!

Васильцев уже хотел было попытать счастья у другого окошка выдачи, когда к нему приблизился какой-то лет шестидесяти гражданин – в хорошем костюме, с окладистой бородой. Еще в очереди Юрий обратил на него внимание – тот стоял позади и прислушивался к его разговору с бдительной девушкой. Тогда он принял этого гражданина за иностранца, и причиной тому был не столько его костюм, явно не москвошвеевской работы, не столько массивный золотой перстень-печатка на пальце, сколько нечто неуловимое, присутствовавшее в его глазах.

А точнее, как раз напротив: то, что в его глазах начисто отсутствовало. Страх, вот чего не было в его глазах! Того затаенного страха, по которому в нынешнее время без труда можно было отличить любого соотечественника. И когда, услышав, что некто не имеющий спецдопуска хочет получить книгу про что-то секретное, все стоявшие в очереди тотчас отвели глаза в сторону, сей гражданин (впрочем, Юрий сразу про себя окрестил его господином) один-единственный с любопытством наблюдал за этой сценкой. Умные глаза его смотрели немного насмешливо.

Иностранцем он, однако, все-таки не был, ибо вдруг обратился к Васильцеву на самом что ни есть безукоризненном русском языке, какой с каждым годом все реже можно было услышать даже в Москве и какого не воспроизведет ни один иностранец, если не впитал его с молоком матери.

– Простите великодушно за вмешательство, молодой человек, – сказал он, – вы, насколько я понял, хотели ознакомиться с книгой профессора Ганса фон Герхе об этом самом Тайном Суде?

– Вы знаете ее? – спросил Юрий. Рядом с ним он в своей спецовке почувствовал себя особенно неловко.

– Да, некогда приходилось держать в руках, – ответил господин, или гражданин, или кто бы он там ни был. – Поверьте мне, пустейшая книженция! Домыслы и фантазии романтически настроенного немца о вещах, истинная суть которых для него – за семью печатями. Не более чем беллетристика, к тому же далеко не лучшего вкуса.

³ «Тайный Суд. Секретные документы» (нем.).

«Если не иностранец, то, чего доброго, какой-нибудь белоэмигрант...» – с тоской подумал Васильцев. Только вот этого, связи с белой эмиграцией, ему и не доставало!

На них уже посматривали со всех сторон, человек с печаткой на пальце привлекал всеобщее внимание. Пожалуй, всего разумнее было бы поскорее отойти в сторонку, однако желание узнать что-нибудь про этот суд оказалось сильнее страха, и Юрий все же отважился спросить:

– А вы могли бы порекомендовать что-нибудь лучшее по этой теме?

– Что-то конкретное?.. – тот чуть призадумался. – Ах, едва ли. Кое-какие упоминания об этом Тайном Суде разбросаны по сотням разных трудов, но там все настолько противоречиво, недостоверно. Конечно, если все это собрать воедино и подвергнуть научному анализу, то удалось бы вышелушить какие-то зернышки истины, но, право, далось бы сие ох как нелегко, да и те зернышки, боюсь, не больно-то отличались бы от плевел.

– Но вы, – сказал Васильцев, – как я понял, знаете обо всем этом несколько больше. Позвольте спросить – откуда же?

Тот улыбнулся:

– Не думаете же вы, молодой человек, что все, о чем мы хотим узнать, может быть обнаружено лишь на страницах книг. Нет, поверьте мне! Иногда истина бывает весьма скрытна, ее надо уметь искать.

– И где же? – спросил Юрий. – В рукописях?

– О, не только! Порой она растворена в самом воздухе, надо уметь вслушиваться в него. А порой она бродит где-то совсем рядом, но мы не в силах ее распознать... Что же касается интересующего вас вопроса, то мне удалось некогда провести собственные изыскания – благо, у меня имелись для этого возможности. Без бахвальства могу вам сказать – едва ли на свете найдется очень уж много персон, превосходящих меня в знании этого предмета. И если вы действительно желаете кое-что об этом узнать, то мы с вами могли бы пройтись в какое-нибудь более подходящее для разговора место...

«Да, скорее всего бывший белогвардеец... – подумал Васильцев. – А может, просто подосланный провокатор... Ну да будь что будет!..» Все эти мысли пронеслись у него в голове, но вслух он проговорил:

– Что ж, буду рад.

«Что я делаю, боже правый, что я, дурак, делаю?!» – думал он, когда через несколько минут выходил вместе с незнакомцем из нового библиотечного здания и при этом спиной ощущал упершийся в них бдительный взгляд дежурного милиционера. Уж милиционер-то запомнит их наверняка! Трудно не запомнить такую пару – вальяжного господина в лаковых штиблетах, в шубе с бобровым воротником и его, Юрия, прихрамывавшего рядом в кирзовых сапогах и в старом ватнике.

– Предлагаю – в «Националь», вы не возражаете? – спросил его спутник.

Не дожидаясь ответа, он помахал рукой, и тут же к крыльцу подъехал роскошный черный автомобиль. Шофер с борцовской фигурой выскочил из кабины и распахнул перед Юрием дверцу.

– Прошу, – произнес господин.

«Вот и всё...» – садясь в машину, обреченно подумал Васильцев. Он уже от кого-то слышал, что именно так *у них* это обычно и делается: человека невзначай берутся куда-нибудь подвезти, и с этого момента он для окружающих навсегда исчезает. Да, видимо, так будет и с ним. Едва ли машина стояла наготове лишь для того, чтобы отвезти их в «Националь», до которого от библиотеки всего-то пять минут ходу.

– К «Националю», – бросил, однако, усаживаясь, господин, и машина тронулась.

Дорогой он говорил о чем-то совершенно малозначительном – кажется, о погоде, об этой зиме затянувшейся, – Васильцев не слушал его, думал о своем: если, миновав «Нацио-

наль», поедут прямо, в сторону Театральной площади, стало быть, везут на Лубянку, а если свернут на Тверскую – значит, в Бутырку.

О чем он, однако, вещает?.. Наконец Васильцев все же прислушался и поймал какой-то обрывок его монолога:

– ...тоже наша беда, хотя далеко не самая страшная, – зимы эти бесконечные. Вот помню, год назад, когда я как раз в эту пору прогуливался по Унтер-ден-Линден в Берлине...

Почему он так откровенно в этом признавался? Какие дьявольские сети плел?..

Поймав на себе взгляд Юрия, видимо, весьма красноречивый, господин-гражданин улыбнулся:

– Да не пугайтесь вы, не пугайтесь, молодой человек! Могу вам паспорт показать, дабы удостоверились: я – гражданин Советского... Как бишь там у нашего новоявленного классика? «Читайте, завидуйте!...»

Он в самом деле протянул Васильцеву паспорт, которого тот, разумеется, брать в руки не стал, а лишь подумал: «Если он с нашим паспортом вот так вот запросто разъезжает по берлинам – то, стало быть, он...» Легко угадав его мысли, бородатый господин с улыбкой сказал:

– И снова же вы ошиблись, если поспешно отнесли меня к некоему всуе не называемому ведомству. Нет, я всего лишь... скажем так: свободный художник.

Ах, не верил, не верил Васильцев ни в каких таких *свободных художников* с советскими паспортами, еще недавно разгуливавших по берлинской Унтер-ден-Линден! Куда вот, все же угадать бы, двинется «роллс-ройс» этого *свободного* после «Националя» – прямо или налево?..

Но, к его удивлению, «роллс-ройс» через минуту действительно остановился точь-в-точь у входа в «Националь».

– Пойдемте, – пригласил бородач, выходя из машины. И приказал верзиле-шоферу: – Жди здесь.

Юрию ничего не оставалось, как последовать за ним.

Боже, как нелепо смотрелась его телогрейка, отраженная многочисленными зеркалами роскошного вестибюля! Однако, уважительно приняв шубу «*свободного художника*», гардеробщик и эту телогреечку принял, хотя и несколько брезгливо, но безропотно. Метрдотель после некоторых очевидных душевных мук тоже предпочел все-таки Васильцева в его спецовке впустить. Уже через несколько минут странная пара сидела за столиком на двоих в зале на втором этаже, и бородач со знанием дела диктовал изогнувшемуся перед ним официанту:

– Стало быть, икорки стерляжьей, балычка волжского, два жульенчика из трюфелей... А маслины у вас какие, все те же, прошлогодние, греческие?

– Никак нет! Испанские, с анчоусами!

– Ну-ну, давай тогда... И водочки немного для согрева.

– Слушаю-с!.. Желаете что-нибудь еще? – Официанту явно стоило немалых усилий не смотреть на спецовку Васильцева.

– Там видно будет. Пока ступай, голубчик...

Все это – и запотевший графинчик, и снедь – появилось на столе спустя не более чем минуту. Официант разлил водку по хрустальным рюмочкам.

– За нашу встречу! – подняв свою рюмку, провозгласил бородач.

Васильцев выпил. Голова сразу закружилась, поскольку почти сутки уже он ничего не ел. Теперь сквозь это кружение едва-едва слышался голос его визави.

– Так мы, собственно, собирались поговорить об интересующем вас предмете, – говорил тот, – об этом самом Heimliche Gericht, Тайном Суде. В этом вопросе, скажу вам, довольно много путаницы, но, в сущности, все не так уж сложно. Во всяком случае, думаю, ничуть не сложнее ваших... Как бишь их там? Кажется, *гильбертовых пространств*...

При его последних словах Юрий от неожиданности поперхнулся маслиной с анчоусом, а легкая пьяность мигом прошла. «Откуда, черт побери, откуда, откуда?!» – пронеслось у него в голове.

– Откуда вы?.. – пробормотал он. – Вы что же, знаете, кто я?.. Вы... вы за мной следили?.. – Вопрос был глупым, да и думал он уже о другом: значит, все-таки с самого начала он не ошибся. Только вот любопытно – прямо сейчас будут его брать или потом, на выходе? Еще неясно было вот что: зачем этот бородатый его в ресторан повел? Про такие их методы он прежде как-то ни от кого не слышал. Отложив салфетку, спросил обреченно: – Мне... идти с вами?

Однако его собеседник воскликнул:

– О нет, что вы, нет! Вы что-то совсем не то себе вообразили! Никуда вам не надо идти! И не следил я вовсе за вами, в мыслях такого не имел! Правда, то, что смогу встретить вас именно в библиотеке, вполне предполагал, не стану скрывать. Предполагал же по той простой причине, что при подобных обстоятельствах я бы сам именно туда первым делом и направился. А поскольку все же я вас, Юрий Андреевич, в некотором роде знаю – правда, лишь заочно до нынешнего дня, – то уж позвольте и мне наконец-таки представиться. – Бородач почтительно наклонил голову: – Домбровский Георгий Теодорович, друг и коллега вашего покойного отца.

Георгий Теодорович Домбровский – вот как, выходит, разгадывалась подпись «Г.Т.Д.» под тем письмом! И, сообразив это, Васильцев задал самый глупый вопрос из всех, какие только можно задать:

– Так это вы?..

Глава 4

Камень – палка – веревка – трава – страдание

– Вы о том, не я ли автор письма? – отозвался этот самый Домбровский. – О, разумеется! А я-то, признаться, был уверен, что вы еще прежде догадались. Прошу тем не менее великодушно простить, что с самого начала это не сказал... Теперь же, если вы никуда не торопитесь, попытаюсь ответить на все ваши вопросы.

– Тогда, – проговорил Васильцев, – что все это значит, извольте объяснить.

Домбровский улыбнулся:

– Подобным вопросом, Юрий Андреевич, вы даже меня поставили в тупик. Не кажется ли вам, что его очертания слишком уж расплывчаты?

Васильцев и сам это понимал. Но то, что он хотел узнать, было также столь расплывчато, и он просто не знал, с какого боку к этому подойти.

– Хорошо... – кивнул он. – В таком случае... В таком случае извольте объяснить, что это за Тайный Суд... И какое отношение к нему имел мой отец... И кто вы такой, в конце-то концов!.. И что вам нужно от меня?.. И что, наконец, черт побери, означают эти слова: «палка», «камень», «веревка»?..

– Постойте, постойте, дорогой Юрий Андреевич! – не переставая улыбаться, перебил его Домбровский. – Вы просто засыпали меня вопросами, теперь я, право, и сам не знаю, с чего начать. Давайте-ка все же по порядку. Итак, вас интересует, что такое Тайный Суд? В таком случае, однако, мне сперва придется самому начать с вопроса. Скажите, вы верите, что в нашем жестоком мире все же существует истинная справедливость? Я имею в виду справедливость именно в *этом мире*; мир загробный покуда оставим в стороне.

Васильцеву вспомнился тот давний, из детства, разговор с отцом, о котором после много размышлял.

– Ну, если в *этом мире*, – сказал он, – то разве что – как некий недостижимый идеал. Нечто наподобие, коль угодно, истинной свободы или...

– Ах, прошу вас, не торопитесь! – остановил его собеседник. – То, что вы назвали недостижимым, все-таки достигалось в этом мире. Разве не истинно свободен был, скажем, Диоген, живший в своей бочке? Разве не свободен был римский император Диоклетиан? Я разумею, конечно, лишь тот период его жизни, когда он, отрекшись от императорского венца, занялся выращиванием капусты, ибо свобода и власть – вещи несовместимые. Разве не свободен, наконец, какой-нибудь тибетский отшельник, отрекшийся от всех земных желаний и страстей? Как видите, примеры, хотя и немногочисленные, все-таки есть, иначе у людей не было бы потребности в самом этом понятии «свобода», и слово это никогда не возникло бы ни в каком языке. И ровно то же самое можно сказать и о справедливости, хотя...

– ...хотя тут, боюсь, вам будет труднее с примерами, – вставил Васильцев.

– Но тем не менее они есть! – твердо сказал Домбровский. – И не так их мало, как вам это представляется! В истории всех веков, начиная с глубокой древности, мы можем их отыскать.

Васильцев скептически спросил:

– И вы их можете привести?

– Множество! Да вот хотя бы первое пришедшее в голову! Древняя Персия эпохи Ахменидов. Некий сатрап царя Камбиза слишком вольно предавал подвластное ему население мученической смерти путем сажания на кол. Порой казнил без всякой вины, просто ради собственного удовольствия. Это надо было ухитриться – прославиться своей жестокостью в те немилосердные времена! И вот однажды он обнаружил возле своего ложа табличку, надпись

на которой гласила, что приговор ему уже вынесен и в последний день праздников Солнца он будет казнен тою же казнью, которой предавал многих...

Каким образом попала к нему эта табличка, выяснить так и не удалось. Впрочем, едва ли сатрап слишком убоился – стража была многочисленна, а стены дворца крепки.

Однако в последний день праздников Солнца он по традиции принял участие в колесничных состязаниях, и вдруг его кони, прекрасные обьежженные кони, обезумели и понесли. Колесница перевернулась, и сатрап вывалился из нее в глубокий овраг. Там, в овраге, его вскорости и нашли. Он был нанизан на заостренный ствол дерева, и когда слуги подбежали к нему, из его уст вырвалось только одно слово: «Сбылось...»

Понятно, окружающие сочли это за кару богов. Ну а вы, Юрий Андреевич, как вы это назовете?

– Не знаю... – пожал плечами Васильцев. – Должно быть, в самом деле, Провидение.

– Да полноте, полноте, Юрий Андреевич! Провидение, совпадение!.. Черт возьми, вы же математик – так потрудитесь, наконец, дать работу разуму! Провидение, как вы понимаете, бесплотно! Но кто-то же заострил этот кол, кто-то хитроумным способом вспугнул коней в нужном месте, а было потом обнаружено, что в глаз одного из коней вонзилась крохотная стрела, умело кем-то пущенная из духовой трубочки, – кто-то же, согласитесь, пустил ее! Кто-то, наконец, в нужном месте подложил камень под колеса, чтобы колесница опрокинулась именно там! И уж эти «кто-то», можно не сомневаться, были вполне во плоти; они-то, надо полагать, и помогли свершиться воле Провидения! А поскольку это первый такой доподлинно известный случай, занесенный в анналы, то, пожалуй, именно с него мы можем начать отсчитывать историю сообщества, которое вас интересует.

– Вы хотите сказать... – проговорил Васильцев.

– Да, именно! – подхватил Домбровский. – Этого самого Тайного Суда! Сообщества людей, не желающих отдавать справедливость на откуп одному лишь его величеству Провидению, кое подчас, увы, оказывается весьма ленивым и необязательным.

Ну да о тех давних событиях, отделенных от нас тысячелетиями, я вам поведал, только дабы вы поняли, что подобные сообщества существовали и в очень древние времена. Как вы понимаете, их деятельность всегда была окутана глубокой тайной, так что об их традициях вряд ли можно сегодня знать что-либо достоверное. Но гораздо лучше известно о традициях, дошедших до нас века примерно с шестнадцатого. – Тут же поправился: – Сказав «известно», я, конечно, должен был добавить: *кое-кому*, разумеется.

– «Кое-кому» – это, надо понимать, вам? – спросил у него Васильцев.

– Вы совершенно правильно понимаете. Впрочем, не одному лишь мне, а всем тем (весьма, разумеется, немногим), кто носит передаваемое по наследству высокое звание *посвященного*, и ваш покорный слуга, – он поклонился, – как вы, надеюсь, уже успели догадаться, входит в их число. Добавлю: мне известно, быть может, поболее, чем всем остальным посвященным, ныне проживающим в этой стране, ибо я вот уже почти двадцать лет являюсь верховным судьей Российской коллегии этого самого Тайного Суда, с того дня, как сменил на названном посту вашего батюшку после его трагической гибели.

С некоторого момента разговора Васильцев ощущал раздвоенность – так и не знал, верит он или нет в то, о чем вещает странный господин. И лишь сейчас, услышав самое неправдоподобное из всего – об участии отца в каком-то тайном сообществе, – как это ни странно, вдруг понял, что верит, верит, черт побери, во все! Однако новость была столь ошарашивающая, что он, машинально выпив рюмку водки, только лишь и сумел пробормотать:

– Так значит, отец был?..

– Да, да, именно так! – закивал Домбровский. – Ибо до меня на протяжении пятнадцати лет не кто иной, как Андрей Исидорович, ваш покойный батюшка, осуществлял эту миссию... Но к тому мы еще вернемся; покуда же, если позволите, продолжу свой экскурс в историю.

Итак... В шестнадцатом веке жил в своем родовом замке в Саксонском герцогстве некий барон. И вот вдруг в окрестностях этого замка появился, как все поначалу полагали, вервольф – оборотень: недели не проходило, чтобы в овраге не обнаруживали истерзанные останки какой-нибудь девочки или женщины, жительницы одной из близлежащих деревень. Охота на страшного оборотня, то и дело предпринимаемая местными крестьянами, всегда оказывалась безрезультатной.

Однако со временем обнаружили странную закономерность: когда барон отъезжал из своего замка на месяц-другой, злодеяния оборотня в точности на это самое время прекращались. Тогда пристальнее стали приглядываться к замку и его окрестностям, выходить в ночные дозоры, и наконец один мальчишка увидел, как вечером слуги барона схватили на дороге девочку, засунули ее в мешок и стремглав усаkali в сторону замка. А наутро эту самую девочку... точнее, то, что от нее осталось... нашли в овраге. Так открылась ужасная правда о потаенной жизни барона.

Если бы речь шла о каком-нибудь простолюдине или даже о не слишком знатном дворянине, его бы как вервольфа, по законам тех времен, недолго думая спалили без исповеди и причастия на медленном огне. Но тут иное. Сей барон был сказочно богат, по знатности не уступал многим принцам, к тому же в недавних войнах поддерживал саксонского курфюрста, и тот к нему благоволил. Напасть на замок? Но их бы разметали как пыль. И вне замка барон тоже был неуязвим – он разъезжал по округе не иначе как в сопровождении дюжины конных латников; что против них пускай даже сотня деревенщин со своими косами и вилами?

В отчаянии местный пастор написал письмо герцогу о злодеяниях барона – и что же? Спустя короткое время пастора приволокли в замок, нещадно высекли на дворе, а то самое письмо под смех дворни понудили проглотить вместе со всеми сургучными печатями. После пережитого бедняга в тот же вечер и отошел к праотцам. Все в округе пребывали в отчаянии: нет в мире ни правды, ни закона.

Однако...

Однако через несколько недель наш барон вдруг получает странное послание, в котором говорится, что некий Тайный Суд вызывает его на свое заседание в связи с совершенными им преступлениями, и назначено место где-то на опушке леса, куда он должен явиться.

Барон со своими латниками прискакал в деревню, от души хохотал, когда рвал перед селянами эту бумагу, нескольких для острастки на всякий случай здесь же выпороли, с тем и усаkali.

Но проходит неделя – и барон обнаруживает в своей спальне новое письмо. Как пронесли, кто мог туда проникнуть?! Допрашивали всех слуг, но так ни до чего и не сумели доискаться. Это распечатанное письмо там же, в спальне, потом и было обнаружено. В нем сообщалось, что, поскольку барон не соблаговолил явиться на заседание, то оное заседание Тайный Суд провел в его отсутствие, во всех злодеяниях барон признан виновным, приговорен к смерти, приговор будет исполнен в ближайшее время, вид же смерти барон, коли пожелает, вправе выбрать для себя сам из пяти перечисленных. А далее стояли эти самые слова...

– Палка, камень... – произнес Васильцев.

– Именно! Палка, камень, веревка, трава, страдание! Если же, сообщалось далее, господин барон откажется от предоставленного ему выбора, то вид исполнения приговора будет назначен по усмотрению самого Суда.

И снова барон хохотал (замечу, кстати, в последний раз хохотал в своей жизни), рассказывая челяди об этом приговоре, однако, говорят, хохот его был уже далеко не столь весел. А вовсе он помрачнел, когда на следующий день обнаружил в своих покоях слово, начертанное углем на стене. Это слово было «палка».

Барон отдал приказ усилить караулы. Теперь стража бодрствовала возле его покоев днём и ночью... Длилось это, правда, недолго, ибо на третий день барон неведомым образом из своих запертых покоев исчез.

Нашли его на другой день на лесной поляне, неподалеку от замка. Он лежал распростёртый, и из груди у него торчала заостренная палка, которой он был пригвожден к земле.

Ну, что вы на это скажете, милейший Юрий Андреевич?

– Выходит, крестьяне все же каким-то образом добрались до него... – проговорил Васильцев. – Как им, однако, удавалось пробираться в замок?

– Вопрос о том, *как* все это было проделано, давайте-ка мы с вами до поры отложим, – сказал Домбровский. – Покамест я предлагаю вам лишь обозреть, *что* происходило. И ради бога, оставьте вы в покое крестьян! Чтобы несчастные, забитые смерды проделали столь замысловатую комбинацию!.. Будьте же вы, наконец, реалистом.

После всего услышанного пожелание быть реалистом показалось Юрию достаточно нелепым, однако он промолчал.

Домбровский продолжил:

– Во всяком случае, люди, жившие в ту пору, были большими реалистами, нежели вы. Весть о том, что произошло с саксонским бароном, разнеслась довольно быстро, и когда вскоре после этого некий лотарингский виконт, повинный в таких же, что и тот барон, злодеяниях, получил послание Тайного Суда, он, полагаю, вовсе не расположен был смеяться. На заседание Суда он, понятно, не явился, замок свой повелел охранять, как осажденную крепость, но, обнаружив на стене приговор, в котором значилось одно слово: «камень», и сообразив, что никакая стража и никакие стены не могут стать надежной защитой, принялся искать спасения у Господа. По дюжине раз на дню он входил в часовню, расположенную внутри замка, запирал за собой железную дверь, за которой была выставлена многочисленная стража, и там, в часовне, предавался молитвам, вымаливая прощение у Всевышнего.

Там его и нашли после того, как однажды он слишком долго оттуда не выходил. Он лежал на полу, и голова его была размозжена тяжеленным камнем. Ну? Тоже спишите на местных крестьян?

– Нет... – произнес Юрий. – Не могло в разных местах все быть столь одинаково...

Домбровский удовлетворенно кивнул:

– Наконец-таки, вы, Юрий Андреевич, кажется, начинаете прозревать!

– Но все-таки... – вымолвил Васильцев, – как это возможно? В запертой часовне, при многочисленной охране...

– Эх, снова вы о деталях! А мне они, признаться, не столь интересны. Никогда, право, не вдавался в такие подробности. В данном-то случае, положим, все весьма просто: должно быть, камень особым образом загодя закрепили под крышей часовни с таким расчетом, чтобы он рухнул на голову тому, кто станет на колени перед алтарем. Известная ловушка, придуманная в древние времена. Поверьте, по поручению Суда действовали... да и действуют люди, порой много, много более изобретательные.

Юрий проговорил:

– Стало быть... Стало быть, у вас есть свои... исполнители?.. И они...

– Да не плутайте вы, Юрий Андреевич, в словах, – перебил его Домбровский. – Исполнители – это не у нас, исполнители – это в НКВД... Стыдливы на слова – ну прямо как девицы на выданье! Все-то они подают в изящной словесной упаковочке, отчего мерзость, право, не перестает быть мерзостью, ибо что может быть мерзостнее, чем вынести и исполнить заведомо несправедный приговор? Они и сами, видно, сие понимают, отсюда и вся эта нынешняя шелуха словесная: «исполнители», «пролетарское возмездие»... Нет, по приговору Тайного Суда осуществляется именно что *казнь*, и осуществляют ее, разумеется, *палачи*! Кстати, одного из них,

Викентия, вы нынче имели возможность видеть воочию, он и сейчас ожидает нас с вами в автомобиле.

Услышанное покорило Васильцева. Лицо, вероятно, выдало его, потому что Домбровский сказал:

– Да не волнуйтесь вы так, Юрий Андреевич!

– Да и о чем же, право, тут можно беспокоиться? – отозвался Васильцев. – *Вас ожидает палач!* Приятнейшая перспектива!

Домбровский строго произнес:

– Не надо иронизировать, молодой человек. Викентий принадлежит к весьма уважаемой династии, ибо должность эта передается по наследству, так же, как некогда у вошедших в историю знаменитых французских палачей Самсонов. Поверьте, батюшка ваш покойный относился к Викентию и ко всем его предшественникам с истинным почтением.

– Вы хотите сказать, – нахмурился Юрий, – что отец...

– ...мог пожимать руку палачам? – закончил за него Домбровский. – Ну разумеется. Викентий и его предки всегда были далеко не последними лицами в Тайном Суде. Я имею в виду не только исполнение приговоров, но и всю подготовительную работу, кою осуществляет его группа. Надо же собирать доказательства вины подсудимого, надо разыскивать осужденного, если тот пытался скрыться.

Добавлю, кстати, что ни одна такая попытка не увенчалась успехом ни для одного из приговоренных. Так, в семнадцатом веке один французский маркиз, получив извещение о том, что суд над ним состоялся и приговор уже вынесен, спрятался в самом Лувре (он был каким-то родственником королевы) и ни на миг не покидал дворец. Там, во дворце, его стража и нашла. В дворцовом нужнике, если быть совсем уж точным, где он был повешен на потолочной балке.

– «Веревка»... – машинально произнес Юрий.

– Именно так!.. Или – веком позже – история с польским магнатом. Этот бросал своих податных в каменный мешок на голодную смерть, если они вовремя не расплачивались по оброку, а узнав о приговоре Суда, втайне, под чужим именем, удрал аж в Вест-Индию. Где два года спустя и нашел свой конец. Его потом обнаружили в заваленной камнями пещере, и подле него лежало два мешка с высохшей травой. Третий мешок был пуст: мучительно страдая от голода, он съел мешок травы, пока не умер той же смертью, которой не раз предавал других.

– «Трава», «страдание»...

– Да, да! – подхватил Домбровский. – Вот и ответ на один из ваших вопросов. «Палка», «камень», «веревка», «травы», «страдание» – все это из давней истории нашего сообщества. Но мы сейчас о другом – о роли в этой истории предшественников Викентия. Суд лишь выносит приговоры, но без таких людей, как Викентий, приговоры Тайного Суда превратились бы в пустое сотрясение воздуха... – Домбровский вдруг спохватился: – Господи, да совсем же забыл! Держите... Тоже, кстати, не обошлось без помощи Викентия. – С этими словами он протянул Юрию паспортную книжицу.

Васильцев открыл ее. Это был его, Юрия, паспорт. Никакой радости он, однако, не почувствовал. Даже если они каким-то путем добыли его паспорт, ровным счетом ни от чего нынче в СССР наличие этой книжицы не спасало.

– По вашему лицу могу догадаться, о чем вы сейчас подумали, – вздохнул Домбровский. – Не извольте беспокоиться, ваш паспорт Викентию отдали в *том самом ведомстве*. Кроме того, мы предприняли кое-какие дополнительные меры, так что с этой стороны вам нечего отныне опасаться.

– Но как вам... как Викентию это удалось? – недоуменно спросил Васильцев.

– Ах, это все детали, – отмахнулся Домбровский как от чего-то совершенно пустякового.

– Но все-таки? Вы что же, с ними... сотрудничаете?

– Ну, сотрудничество – тут едва ли верное слово. Просто и в *том ведомстве*, и во многих других служат некоторые наши *поднадзорные*... Простите, о них я вам еще не рассказывал. Дело в том, что смертные приговоры Тайным Судом выносятся далеко не всегда. Тюрем, видите ли, в нашем распоряжении нет, поэтому, если имеются какие-то смягчающие обстоятельства, преступник попадает в число так называемых *поднадзорных* и с этих пор находится под нашим бдительным наблюдением. Он знает, что, повтори он свои деяния – и пощады ему уже не будет. Надзор осуществляет тот же Викентий, и его поднадзорные хотя и знают, что в случае чего это им ничуть не поможет, тужатся оказывать ему всяческие услуги, ибо подбострастие перед силой – в природе всякого негодяя. Не стану скрывать, Суд этим зачастую пользуется в своих целях: иногда это самый простой способ получить некоторую необходимую информацию или, скажем, деньги легализовать, а у нас их, поверьте, немало – еще в начале позапрошлого века один наш соратник, сказочно богатый английский лорд, оставил Тайному Суду все свое состояние. Или когда мне, например, надо по делам Суда съездить за границу, что для обычного здешнего... (он слегка усмехнулся) *свободного художника*, как вы понимаете, почти нереально. Ну а на ваш паспорт и вообще на перемену вашей участи Викентий, я уверен, потратил совсем не много времени, дело-то, в сущности, простое. Так что вдыхайте полной грудью воздух свободы, мой друг!

Свободы, однако, Юрий не ощущал, ибо за эту свободу, судя по всему, предстояло как-то расплачиваться.

– Что я должен сделать в обмен на вашу любезность? – несколько сухо спросил он.

Домбровский взглянул на него с укоризной.

– Ах, Юрий Андреевич! – вздохнул он. – Да неужто вы решили, что я с вами какой-то торг затеваю? Вот уж от вас, ей-богу, не ожидал! Если я и сделал для вас какую-то малость, то исключительно в память о своем друге, вашем покойном батюшке, которому очень многим обязан.

– И что же, – спросил Васильцев, – я сейчас могу просто встать и уйти?

– Ну разумеется. Вы вольны делать все, что пожелаете... Однако, мне кажется, вам было бы небезынтересно выслушать кое-что еще...

– Слушаю вас, – по-прежнему сухо сказал Васильцев.

– Дело вот в чем. Все должности в нашем Суде, так же, как у Викентия, наследуемые, они передаются от отца к старшему сыну, поэтому судьей может стать только сын судьи, так было когда-то постановлено нашими отцами-основателями. А приговор может вынести только коллегия в составе трех судей и только при их единогласном решении. Но беда в том, что третий судья здешней, Российской коллегии несколько недель назад почил, и работа Суда полностью застопорилась. На сегодня единственный, кто может его заменить, это вы.

– Я?... – только и смог выдать Юрий. Все услышанное напоминало какую-то страшную сказку в духе братьев Гримм.

Однако предложение было явно сделано всерьез, ибо Домбровский поспешил вставить:

– Только, ради бога, с ходу не отказывайтесь! Прежде я вам кое-что покажу. Узнаёте? – С этими словами он извлек из внутреннего кармана и положил на стол...

Боже! Юрию одного взгляда было достаточно, чтобы узнать отцовские золотые часы! Да, вот и вензель отцовский на крышке! Они!

– Вижу, узнали, – подытожил Домбровский. – Держите, они по праву ваши.

Юрий едва смог проговорить:

– Откуда у вас?..

– Всплыли по ходу дела, которое сейчас находится в стадии расследования.

– Дело об убийстве отца?

– Нет-нет, то произошло в Гражданскую войну, а тогда убийства и мародерство были столь обыденными явлениями, что если всех судить за тогдашние дела, то под Суд попадут

миллионы. Да и мы в ту пору бездействовали, ибо было ощущение, что настал совсем другой, Страшный суд из Апокалипсиса. А часы эти (Викентий изъясил их совсем недавно) понадобились нам лишь для того, чтобы проследить жизненный путь преступника. Но судить его будем совсем за иные преступления, совершенные в более близкие времена, ибо тот, кто однажды стал на путь преступления, крайне редко останавливается.

– Их там было двое, – с большим трудом произнес Васильцев.

– Знаю, знаю. Но об одном из них вы можете уже не вспоминать – недавно он был осужден за все свои злодеяния.

– И что с ним?

– Несколько дней назад нашли висящим в Нескучном саду. Он висел там на дереве с табличкой на шее. «Люди, простите меня!» – было на ней выведено им собственноручно.

– А второй?

– Как я уже сказал, по нему пока ведется следствие. Он куда более осторожен и свои преступления прячет куда тщательнее. Тем не менее следствие продвигается, кое-что удалось установить... но все это нуждается в тщательнейшей проверке. Поймите, мы не имеем права ошибаться. Однако я не сомневаюсь, что со временем...

Васильцев с силой сжал часы в руке.

– Его казнят?.. – сделав над собой усилие, спросил он.

– Если так решит Суд... – Домбровский посмотрел на него испытующе. – А вы, Юрий Андреевич, лично вы смогли бы вынести ему смертный приговор?

– Я сам бы его... – Юрий стиснул зубы.

– Ну зачем же самому? На то существует Викентий, дело Суда – лишь вынести приговор. Но, ладно, предположим, вы бы его – *сами*. А другого такого же мерзавца, но только досель вам неизвестного? Смогли бы?

После некоторой борьбы с собой Васильцев выдал:

– Смотря по тому... Нет... Не знаю...

– То-то и оно... – вздохнул Домбровский. – Вами пока что движет не столько чувство справедливости, сколько первобытная жажда мести, а это для нашего дела весьма скверно. Тайный Суд не вправе руководствоваться ни жаждой мести, ни какой-либо корыстной выгодой. Он беспристрастен – и лишь поэтому справедлив. Вас, видимо, интересует, когда наступит кара этого негодяя. Я вам отвечу: не раньше, чем Суд обретет третьего заседателя, это во-первых, а во-вторых, когда этот заседатель будет готов, отрешившись от всего личного, вынести беспристрастное решение, вот когда! А вам для того, чтобы к этому быть готовым, надо пройти немалую школу.

– Какого рода?

– Если вы примете мое предложение, то сперва надо будет поучаствовать в делах, кои не столь касаются вас лично.

– Например?

– Например – вот в этом. – Домбровский положил на стол какую-то фотографию.

Васильцев взглянул на нее и отшатнулся. На фотографии была изображена светловолосая девочка, лежавшая с неестественно вывернутой головкой в луже крови.

– Кто это ее? – с ужасом выдохнул он.

– Прежде, чем убить, над ней еще и надругались, – свел брови Домбровский. – А сотворил все это некто проходящий по милицеским сводкам как «лунный оборотень», потому что свои злодеяния он совершает исключительно в полнолуние. Но изловить его наша доблестная милиция никак не может, ибо ищет совершенно не там. Лишь Викентию совсем недавно удалось выйти на его след.

– И – кто же он?

– О, большая шишка! Гражданин Куздюмов Павел Никодимович. Служит в важном главке на ответственной должности, член ВКП(б), ясное дело. И с социальным происхождением у него все в полном порядке. И в свободное время постукивает на своих соседей и коллег. В общем, по нынешним нашим временам фигура, заслуживающая всяческого уважения и доверия, кто ж такого заподозрит в чем плохом? Но это именно он, не извольте сомневаться. Дело за малым – вынести окончательный приговор и затем привести его в исполнение.

– Так что же – всего лишь из-за того, что у вас недостает одного заседателя?.. – Юрий не договорил.

– «Всего лишь»! – воскликнул Домбровский. – Именно это «всего лишь» и отличает подлинный суд от самосуда! Процедура должна оставаться незыблемой, иначе мы докатимся бог знает до чего! До той, собственно, мерзости, которую мы сейчас и наблюдаем вокруг!

– Но ведь есть же милиция, прокуратура, вы могли бы передать туда...

– Да что вы такое говорите! Над нами бы только посмеялись – ведь в стране победившего социализма, как известно, не существует никаких маньяков! И уж на высоких должностях таковые в СССР точно никоим образом служить не могут. Вот имей он связи с троцкистами или уклонистами какими-нибудь... Но с этим у нашего гражданина Куздюмова, будьте уверены, все чисто, ни одного такого пятнышка на репутации, кристально чист!.. Ну так что же, вы готовы были бы вынести ему приговор?

– И потом...

– При соответствующем приговоре – казнь, – отчеканил Домбровский.

– Палка – камень – веревка...

– Именно так. И учтите, ближайшее полнолуние совсем скоро. Держать этого мерзавца под постоянным наблюдением мы не в силах – у нас не так много людей, и вообще это не наша функция. А если его до полнолуния не пресечь, то он снова сотворит что-нибудь. Итак, вы готовы, Юрий Андреевич?

Юрий медлил с ответом. Фотографию Домбровский уже убрал, но перед глазами все еще была эта девочка, в луже крови, с вывернутой шеей...

С другой стороны... Он вдруг представил себе вживе: мерзавца волокут, распластывают на земле, и Викентий вбивает ему деревянный кол в грудь... Или мозжит камнем голову... Или тело дергается на веревке в последних судорогах... Видение вызывало тошноту.

И решит все его, Юрия, слово. Не кого-то неведомого, а именно его!.. Господи, да вправе ли он, вправе ли?! Кто он такой? Не Господь же Бог, чтобы взвешивать чужие жизни на какой-то чаше весов!

– Я не знаю... – тихо произнес он. – Вам нужен кто-то другой... Я... я не знаю...

С этими словами он поспешно вышел из зала, ибо к горлу нестерпимо подступала предательская тошнота.

Глава 5

Сов. секретно

Комиссару 2-го ранга тов. Панасенкову
(Сов. секретно, в одном экз.)

...сообщаю, что, в соответствии с Вашим распоряжением, произведена тщательная проверка кочегара доцента Васильцева на предмет выявления его сущности...

Никакой такой проверки лейтенант госбезопасности Гробовых, понятно, не производил – не от лени даже, а просто по причине полной ненужности таковой проверки: нутро-то вражье и так насквозь видно, все они одним дегтем мазаны, эти доценты, даже если замаскировались под кочегаров. Так он с первого раза товарищу Панасенкову и написал: «настроен враждебно», «ведет разговоры», «проявляет недовольство», ну и все такое. Вполне достаточно, чтобы отправить куда следует – хоть на этот свет, но подальше, хоть на тот.

А товарищ Панасенков отчет его прочитал – да вдруг: «Ты чего мне, Гробовых, надумал? Плохо тебе, что доцент? Али плохо, что кочегар? Все, сукин сын, обосрать решил, да? И науку советскую, и пролетариат? Так тебе и дали! На-кась, понюхай-ка!» – и на понюх сунул под нос здоровенную дулю, пахнущую копченой колбасой, порохом и оружейной смазкой.

Он ему: «Так что же писать?» – «А ты правду пиши, Гробовых. Только думай, умом думай», – и при этих словах не то подмигнул, не то просто веко у него вздрогнуло.

Вот лейтенант и сидел, и думал, запах той комиссарской дули вспоминая. Небось этот доцент-кочегар – какой-нибудь панасенковский родственничек, оттого комиссар его и отмазывает. А чьими руками отмазывает? Его, Гробовых, руками! Случись что с Панасенковым (а случается всякое, тут и комиссарские ромбы не спасение) – с кого тогда спрос? То-то!..

Ну а пойти против всесильного ныне комиссара – еще более верная гибель. Тут умом, умом думать – это верно сказал комиссар.

Эх!..

...и в результате произведенной проверки ни в каких порочащих связях гр. Васильцев не замечен и проявил себя сугубо с положительной стороны.

Написано в одном экземпляре, для служебного пользования.

И до чего ж подписывать такую хренистику стрёмно! Ну да... Эх: «*Лейтенант госбезопасности Гробовых*».

Однако ж, продолжая думать умом, лейтенант Гробовых тут же достал другой лист бумаги и вывел на нем:

*Первому заместителю народного
комиссара внутренних дел СССР
тов. Берия Л.П.
(Сов. секретно, в одном экз.)*

Лейтенант знал, в воздухе такое с некоторых пор витало, что товарищ Берия с момента появления здесь, на Лубянке, копит для себя папочку на остальных замов товарища Ежова, а то, может, и на самого Николай Ивановича. Сейчас, положим, папочка эта для товарища Пана-

сенкова совершенно не страшна: покудова крепок товарищ Ежов – крепок и товарищ Панасенков. А вот ежели...

Вот тогда-то и выплывет бумага эта на свет. А кто сигнализировал? Он, Гробовых, сигнализировал!

Буквы ложились быстро и ровно, не то что при написании той, первой хренистики. Начало получилось как-то само, легко и бойко, а концовка – так и вовсе на ять:

...Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: выгораживая матерого врага, кочегара-доцента Васильцева Ю.А., комиссар Панасенков преследует интересы, далекие от интересов нашей социалистической Родины.

Ведь хорошо сказанул! А когда хорошо – тогда и подпись ложится красиво, без всякой натуги: *«Лейтенант госбезопасности Гробовых»*.

И кто кому – дулю?

То-то же!

* * *

– У кого перехватил?

– У дежурного сержанта. Нес на третий этаж.

– Молодец, Авдеенко.

– Рад стараться!

– Ну иди. Свободен. Старайся дальше.

Оставшись один, комиссар Панасенков развернул бумажку эту, прочел, нахмурясь, и, дойдя до слов *«...преследует интересы, далекие от интересов нашей социалистической Родины»*, вслух прошипел:

– Засранец...

Все другие слова, куда поядренистей, придержал в себе, чтобы они своим кипением голову не распяляли: голова, как учили, холодной быть должна. И все-таки сука, ну и сука же этот Гробовых! Сам ведь на груди пригрел змееныша, дал ему путевку в жизнь...

Ладно, что сейчас попусту!.. Да и выучка у этого Гробовых вполне верная. Выучил на свою голову суку! А сам, вишь, оплошал, поручив именно ему написать служебную записку про этого... как его... про кочегара-доцента. Хотя и оплошностью-то не назовешь, тут кому ни поручи... А поручить кому-то надо было, такой уж подстроила ему пируэт судьба-злодейка.

Не раз спрашивал себя: чего ж вот так вот лапки кверху перед этим Тайным Судом? И ни разу себя за то не корил, потому что нюхом почуял: там силища. Вон как один дохляк-очкарик во время допроса сказанул. Ему говорят: «Будешь разоружаться перед органами?» А он в ответ: «Конечно, разоружаюсь, потому что за вами вся армия, авиация и флот». Очень такой ответ Панасенкову тогда понравился, умный был ответ. Оттого до расстрела дожил человеком очкарик тот, а не отбитым куском мяса. Чего ж зазря мучить, когда сам все постиг человек?

Вспомнил комиссар это, когда сидел перед ихним Судом. И все про себя с ходу как на духу выложил. Не из страха даже, а потому, что сразу почувствовал силу, против которой лучше не переть. А приговорили бы тогда к вышаку – так и вышак принял бы без ропота. Потому что – *сила*.

Нет, без вышака обошлось. Тот, бородатый, сказал тогда: оставить под надзором. И вроде как он, Панасенков, был у них теперь как бы привязанный на веревочке и все время ощущал на своей шее чужой притужальник. И всегда робел перед силой, идущей от этого бородатого, – пожалуй, даже больше робел, чем перед самим народным комиссаром Николаем Ивановичем. Вот почему, когда бородатый Домбровский повелел, чтобы тому доценту-кочегару отныне был

по жизни всегда зеленый семафор, он, Панасенков, даже не спросил, что за птица такая кочегар-доцент этот. Потому как против силы не попрешь. Велено – выполняй.

Ну а тля эта, Гробовых, свою сучью игру затеявший, силы настоящей пока что не видал, играя хренов. Оттого и надобно с ним – как с тлей.

Комиссар Панасенков открыл дверь кабинета и позвал:

– Авдеенко!

* * *

Из многотиражки

«На страже безопасности социалистической Родины»

... Чувствуя свой близкий и неизбежный конец, затравленный враг в агонии не останавливается ни перед чем. Пример тому – трагическая гибель лейтенанта государственной безопасности Савелия Гробовых...

...находясь на боевом посту... подло, сзади... пулей, выпущенной в затылок...

...Светлая память о нашем товарище...

– Ты вот что, Авдеенко... – сказал комиссар Панасенков, отложив газету, – ты, я слышал, уже этих изловил гадов, которые гробанули нашего Гробовых?

– Так точно! Вчера взяли четверых, сегодня двое гадов уже раскололись.

– Молодец, шустёр.

– Рад стараться, товарищ комиссар!

– Стараешься. Вижу... Я тебя, Авдеенко, решил в старшие лейтенанты представить.

– Служу Советскому!..

– Ну-ну, не ори, люди свои... Хорошо будешь служить – глядишь, еще и меня в званиях перескочишь. – А про себя подумал: «Ежели только доживешь, голубец».

* * *

Майор государственной безопасности Чужак сидел дома за письменным столом и думал, думал мучительно...

Вообще-то посидеть за этим большущим столом в своем тоже большущем домашнем кабинете с видом на Кремль он обычно любил. Казалось бы, на хрена ему этот, как аэродром, столище и этот кабинетище в доме, слава богу, все, что надо, и на службе имеется. Вон и Клавдия, было дело, заседала: «Куда те, Степан Акимович, этот ерадром?! Чай, не писатель, не прохвессор! Заместо него два шифоньера поставить можно бы, под Аглайкино добро». Потому что дура баба! От добра ихнего с Аглайкой и так уже четыре шифоньера ломаются. Ну, не хватит – новый поставят где-нибудь в трех других комнатах, места вполне достает. А что не писатель и не *прохвессор* – так где они нынче, эти писаки и профессора? Ежели еще не на Соловках, то ютятся по уплотненным коммунальным клетушкам, этих самых Соловков ожидаючи (ничего, ждать-то, поди, недолго).

А он где, Степан Чужак? Здесь, за этим «еродромом», сверху зеленым сукном обитым. Сидит себе, пепел с папироски в серебряную пепельницу стряхивает, на Кремль в окно поглядывает. Хорошо! А вы, профессора хреновы и писаки недошлепнутые, вы в этой жизни подвиньтесь! Вы сперва постреляйте вражин поганых, сколько он пострелял, чтоб не мешали людям социализм строить! Что, слабы в коленках? То-то!

Да, знатный кабинет! Не хуже, чем у иных буржуев при Николашке Кровавом. А чернильный прибор на зеленом сукне стола как раз от них, от буржуев, достался. Здоровущий, в полпуда весом, из черного камня, бронзой отделанный. Чернил в нем нет: на шиша? Зачем

ценную вещь пачкать? Особо Чужаку конь, возвышавшийся на этом приборе, сразу же приглянулся – точь-в-точь его вороной Орлик. Когда б только не крылья... Придумают же буржуи! За каким лешим крылья-то коню? А без крыльев бы – ну Орлик, Орлик вчистую!

И сиживал он, бывало, часами в кабинете своем, смотрел то на Кремль, то на Орлика этого крылатого, смолил папирску за папирской и думал о приятном.

Однако нынче ни о чем приятном никак не думалось – довольно хреново было на душе.

Нарком Николай Иванович приказал по убийству Буциса и Ведренки землю рыть, вот Чужак и рыл, уже пятый день рыл кряду. На месте убийств ни шиша путного нарыть не удалось, тогда он решил в ихних жизнях покопаться – вдруг да и нароем там чего.

И нарыл. И такого нарыл! Уж и не землю, казалось, рыл, а самое что ни есть дерьмо из-под холерного барака!

Что Ведренко по дамской линии больно шустер – это бы шут с ним, все не без греха. Но зачем же апосля с дамочками-то этими – вот так вот? Если какая не ублажила – так ты ее отправь Беломорканал рыть, и концы в воду, как делают все, кто с головой. А тут... У одной брюхо вспорото, другую, судя по всему, долго ножом кромсали, третью огнем подпаливали в различных местах. А там еще и четвертая, и пятая, и десятая. Что, ежели с этой стороны ему кто и сделал кирдык?

У Нюмки Буциса – того хуже. Баб ему мало! На мальчуганов перекинулся, забирал из приютов, а потом их вылавливали в Москве-реке. Вот и допрыгался Нюмка, дурень. И поделом ему, говнюку!

Все бы ничего, но как товарищу наркому обо всех этих мерзостях доложить? Да и надо ли докладывать, расстраивать Николай Иваныча? Тут не только даже то, что этакое пятно на весь беззаветный наркомат, а еще и то (он где-то в воздухе нечаянно услышал), что у самого товарища наркома по этой части – как и у поганца Нюмки Буциса...

Но этой мысли Чужак и додумывать не стал: колко...

В общем, расстроиться может товарищ нарком. А от расстройства и осерчать. А на кого осерчать? На него, на Чужака! На этих-то жмуриков что серчать – им уже от того не горячо, не холодно. Нет, насколько б лучше все же, чтоб эти двое – в результате заговора какого-нибудь право-лево... троцкистско-зиновьевского... хрен знает какого! Вот бы и жмуриков к этому крылу как-то пришпилить – тут бы, пожалуй, товарищ нарком расстроился куда как менее. Эх, кабы!..

А может, глядишь, и взаправду? Сегодня при обыске Нюмкиной дачи на Пахре обнаружил в камине клочок бумаги обгоревший, и на клочке том вот такая вот хрень: «...при расследовании Ваших преступлений... явиться на заседание Тайного Суда...» – да еще буквы какие-то иностранные, а все остальное выгорело. Какой такой, к бесу, Тайный Суд?! Суд у нас (если «троек» не считаючи) открытый, рабоче-крестьянский, ни от кого не таящийся. Только какие-нибудь троцкисты-хренисты до такого, до *тайного*, додуматься могли. Да и буквы эти подлые, не из нашенского букваря... Тогда, увидев буквочки те, он, Чужак, едва не взмолился деду бородатому, что, как попы говорят, *еси на небеси*: Господи, ну дай пристегнуть этих двух засранцев к какому-нибудь троцкистско-зиновьевскому, поразветвленнее!

О находке своей, об этом «Тайном Суде» и о буквочках этих, тут же поспешил доложить товарищу Панасенкову, наркомовскому заму. Ожидал, что тот похвалит за бдительность и рвение – ан все наоборот. Вдруг не на шутку взъярился товарищ Панасенков ни с того ни с сего:

– Ты что, Чужак! – прошипел. – Какой еще «тайный» у нас в СССР?! Чтобы про бумажку эту – никому. Рот про это еще раззявишь – размажу, понял?

Как тут не понять?

– Так точно, товарищ комиссар второго ранга!

«Но почему, почему?.. – думал про себя. – Ну чем ему лево-право-троцкистско-зиновьевский не хорош?» Но лишнего спрашивать не стал – уж товарищ-то Панасенков размажет, за ним не станется.

А тот вдруг:

– Да, кстати, еще, Чужак. У тебя там такой Васильцев по какому-нибудь делу проходит? Вот те на! Чтобы сам Панасенков заинтересовался каким-то истопником!

– Так точно, проходит.

Ах, слишком поспешно ответил, пожалуй что. Тоже не по чину ему, майору Чужаку, держать в голове всяких там кочегаров-говнопаров. Не царское дело!

А почему держал: когда шерстил университет, ему вдруг один шептун донес, что Васильцев этот очкастый – сынок буржуя-адвокатишки.

Ну а сам-то адвокатишка где?

А самого прикокнули еще в девятнадцатом годе, сказывают, за часики золотые.

Вона как, выходит, переплелось! А что, ежели этот Васильцев тогда, пацаном, видел, как они с Нюмкой Буцисом из ихней буржуйской парадной выходили? Вероятственность, конечно, малая, что признает его, но все надо делать *заподлицо*, так уж он, Чужак, привык, оттого и жив доселе.

Васильцева этого хромого, очкастого с университета и без Чужака *вычистили*, теперь в кочегарке вкалывал, маскировался под пролетария, гад! Ничего, он, Чужак, и под пролетарской телогреечкой умеет видеть подлое вражье нутро. Покамест велел участковому паспорт у него изъять, пускай покуда похромает, гад, на коротком поводке, а там уж можно и обмыслить, к какому бы право-левому его пристегнуть. Даже, может (была и такая мысль), к делу об убийстве Буциса с Ведренкой. И тут нате вам:

– Ты, Чужак, этого Васильцева не тронь, понял?

Что тут скажешь?

– Так точно, понял, товарищ комиссар!

Спрашивается, Панасенкову-то эта тля Васильцев – с какого боку? *Жилка* после того разговора сразу напряглась, как тетива: что, если копает под него, под Чужака? Теперь, сидя в своем домашнем кабинете, майор взвешивал это. Ежели за всякие шалости девятнадцатого года под каждого начать копать, то, поди, половину *органов* зарыть можно, а кому такое надо? И часы эти у него мало кто видел, на службу он с ними не ходил – вовсе даже не из опаски, а потому что подходили эти буржуйские часы майору НКВД – что попу буденновка. А все равно вышло *не заподлицо*. Ну что было их тогда же, в девятнадцатом, не спарить к чертям? Да вот, вишь, пожалел сгруппу – красивые уж больно часики.

Эту дурь сейчас исправить бы надо – так *жилка* ему подсказывала. Он достал ключик, который всегда носил при себе, в том же, что партбилет, карманце, и отпер заветный верхний ящик стола...

Ан нет часиков! Все на месте, и перстенок, что от той графини, и портсигар золотой камергерский, и бусики из крупных жемчугов, что Аглайке подарить намеревался, и еще колечки, броши, браслетики всякие, одни еще с Гражданской, другие недавние. И камушки, которые надо отдать этим *спиногрызам* (не сдашь – точно уж кранты), – все вроде бы на месте. А часики, часики-то где?

– Клавдия! – заорал. – Клавка!

Вбежала в бигудях:

– Чё орешь как оглашенный? Чё надо? – Но, взглянув на него, заробела сразу: – Чё, Степан Акимыч? Ты чё?

– Ничё! – сказал он грозно. – Ты в стол мой лазила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.